

Уютное Фэнтези

ТЕОНА РЭЙ
ПРАВО
НА СЧАСТЬЕ

Теона Рэй

Право на счастье

Серия «Четыре королевства», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70107892

SelfPub; 2024

Аннотация

Спустя годы жизни в другом мире я оказалась на улице с малышкой на руках. Муж выгнал меня, заявив, что никогда не любил, а ребенка он видеть не хочет. Нам некуда идти и не у кого просить помощи, да и матерей одиночек в этом мире не жалуют. Я должна наладить быт в захудалой деревеньке, чтобы прокормить дочь, и научиться противостоять нападкам соседей. Построить жизнь заново без оглядки на прошлое и не выдать свою тайну. Но, главное, взять себя в руки и больше никогда не влюбляться!

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	25
ГЛАВА 4	36
ГЛАВА 5	45
ГЛАВА 6	56
ГЛАВА 7	66
ГЛАВА 8	80
ГЛАВА 9	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Теона Рэй

Право на счастье

ГЛАВА 1

Дочка жалась к моим ногам, тянула за юбку и еле слышно просила скорее уйти.

– Минутку, милая, – я вздохнула, стараясь успокоить беснующееся сердце.

Я успела только обуться, накинуть на плечи теплую шаль, а для Вероники отыскала кофточку в сундуке, как дверь в комнату распахнулась. В руках я сжимала платья дочки, которые наспех выхватила из небольшой кучки вещей.

– Что ты ищешь? – громыхнул голос мужа. Савар одним взмахом руки выбил у меня вещи, платья разлетелись яркими всполохами ткани. – В этом доме нет ничего твоего, убирайся уже!

Смотреть на него мне не хотелось, слезы душили и горло жгло от невысказанных слов. Трясущимися руками помогла обуться Веронике, схватила ее за руку, и мы проскочили мимо Савара.

– Мама, моя Заплаточка! – вскрикнула дочь, но ее отец уже захлопнул дверь спальни.

Сейчас в моей голове билась только одна мысль: уйти, сбе-

жать как можно дальше, чтобы больше не слышать оскорблений, не видеть презрения и злобы в глазах некогда родного человека

– Заберем позже, хорошо?

– Мам, но...

– Вероника, – я присела перед дочерью, беглым взглядом окинула пустую прихожую и, едва сдерживая рыдания, улыбнулась. – Я верну твою Заплаточку, но не сегодня, хорошо? Сейчас мы пойдем к тете Иде.

Вероника смахнула слезу с пухлой щеки, отвела взгляд. Савар оскорбил не только меня, но и ее, но если я понимала, в чем причина нашего с ним раздора, то дочь хотела просто уйти, чтобы не слышать ругань.

– Ты еще здесь? – недовольно крикнул муж.

– Все, идем, – шепнула я Веронике.

Шагнула за порог в темноту, увлекая за собой дочь. Холодный ночной воздух остудил разгоряченное лицо, высушил проступившие на глазах слезы. Вдохнула полной грудью, на миг прикрывая глаза. За спиной чернотой зиял дверной проем, откуда-то из недр дома доносился крик мужа, а следом раздался глухой звон – кувшин полетел на пол... или в стену. Савар часто оставлял нас без посуды.

Но в этот раз все было по-другому, и оттого я не знала, как себя вести.

– Мы еще вернемся? – спросила Вероника, когда дом остался позади.

Я промолчала, мотнув головой. Дочь должна была знать правду, но прямо сейчас мне не хотелось ей ничего говорить. Темные улицы переплетались, уводили все дальше, в центр города. Там, в Пятом южном квартале жила моя единственная подруга, Ида, и кроме нее мне не у кого было просить помощи.

Когда Савар пришел поздним вечером домой на удивление трезвый, я так обрадовалась этому редкому явлению, что сразу же поспешила на кухню, чтобы разогреть ужин. В тот момент мне показалось, что муж как-то особенно счастлив и, наверное, даже рад был видеть меня и дочку. Я улыбалась. Впервые за долгое время искренне.

Но стоило мне поставить кастрюлю на печь, как он смахнул ее на пол, заявив:

– Свою тошнотворную кашу мне больше делать не будешь.

Я, все еще улыбаясь, так и застыла, не в силах понять услышанное.

– Что глаза вылупила? Смотрит стоит. Все, сдохла твоя бабка, а значит и я больше не обязан с тобой нянчиться!

Кухонное полотенце выпало из моих ослабевших пальцев, в висках застучала кровь, и губы сжались в тонкую полоску. Я поняла, о ком он говорит, но еще не знала, что уже спустя несколько минут мой муж, человек, которого я за восемь лет если не полюбила, то приняла и смирилась, выгонит меня и своего родного ребенка на улицу среди ночи.

Савар же будто радовался. Счастье так и искрилось в его глазах, руки дрожали от нетерпения. Он никогда раньше меня не бил, но сейчас больно ткнул в плечо кулаком, подгоняя к спальне.

– Одевайтесь и выметайтесь! Слава Создателю, не оформили брак пред его ликом!

– О чем ты?.. Савар? Что происходит?

– Совсем безмозглая? – муж рычал. – Всю жизнь мне испортила выродком своим! Если бы ты не залетела, если бы твоя бабка не заставила меня взять тебя в свой дом, я был бы куда счастливее! Ты посмотри на себя, зачуханка пожирневшая...

В ушах шумело, и я его уже почти не слышала. Столкнулась взглядом с ничего непонимающей дочерью, и именно она все осознала первой.

– Мам, я сама оденусь.

Время замерло, и воздух будто стал плотнее, я наблюдала за происходящим словно со стороны. Наклонилась к сундуку, вытащила свою шаль, кофту дочери...

На щеку упала первая дождевая капля. Я тряхнула головой, прогоняя воспоминания. Осмотрелась по сторонам, крепче сжимая ладонь дочки, и только увидев перед собой фонарь над входом в дом Иды, позволила себе успокоиться. Подруга меня никогда в беде не оставит, обязательно поможет. Я занесла руку, чтобы постучать, и в этот момент серые

тучи прорвались дождем.

Дочка молчала, ничего не спрашивала и не плакала, и за это я была ей благодарна. Успокаивать ребенка в то время, как сама едва держусь, то еще испытание.

Послышались шаги внутри дома, скрипнул засов, и дверь отворилась, обдав нас теплым воздухом. Глаза заслезились при свете десятков свечей и огня из камина – Ида не любила даже малейший полумрак.

– Создатель! – воскликнула подруга, прижимая ладони к пышной груди, и пошутила в своей привычной манере: – Чего кислые такие, будто умер кто?

– Ты не удивишься и даже скажешь: “я знала, что так будет”, – грустно улыбнулась я.

Ида растерянно кивнула, отступая.

– Давайте, быстро внутрь.

Вероника первой шмыгнула в гостиную, предварительно разувшись. Я задержалась всего на минутку у двери, чтобы вкратце объяснить Иде цель нашего неожиданного визита.

Подруга, выслушав, помрачнела. В ее глазах мелькнула смесь жалости и в то же время разочарования.

– Ладно, идем на кухню, – Ида похлопала меня по плечу.

В небольшом домике Иды всегда царила особая атмосфера спокойствия и уюта. Множество фонариков, свечей, на окнах висели газовые занавески, на полу в каждой комнате лежали пушистые ковры, в воздухе витал приятный хвойный аромат, а от самой хозяйки постоянно пахло выпечкой.

Я любила проводить время здесь, а Ида никогда не была против, часто приглашала и меня, и Веронику по поводу и без. И пока дочка рисовала или гуляла с пушистым щенком соседского мальчика, мы с ней долгими часами говорили обо всем, шутили и смеялись, обсуждали наших мужчин, сплетничали.

Сегодня от спокойствия не осталось и следа. Я села на стул у окна, вжалась в спинку и рассеянным взглядом следила за тем, как Ида быстрыми движениями готовит чай. Насыпала листья в чайник, поставила его на огонь, – у нее была печь-артефакт, о которой я могла только мечтать, – достала из холодильного шкафа маленькие пирожные. Подруга, как и всегда, выглядела ухоженной, будто только-только вернулась со свидания. Темные волосы, собранные в пучок – волосок к волоску, парчовое голубое платье облегалo пышные формы, подчеркивая достоинства, но не выделяя недостатки.

– Голодна? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Как-то нет аппетита, – усмехнулась я. – Не знаю, что теперь делать... Я даже не представляла, что он может вот так нас... он нас просто выгнал, Ида!

– Я говорила тебе, что обряд бракосочетания очень важен, – буркнула подруга немного злобно.

– Он не хотел.

– Надо было заставить!

– Но как? Не силком же я его к алтарю потащу, в самом-то деле!

Ида разлила чай по чашкам, поставила их на стол и села напротив меня. Взгляд ее задержался на моем лице ненадолго, после она спрятала его в пол.

– В Бирцане тебе теперь не найти работу. Как ты понимаешь, с маленьким ребенком...

– Веронике уже семь лет, она вполне самостоятельная.

– ...ты брошенка. Тебя из дома выгнал муж. Не подумай, мне-то все равно, но вот другие... Бирцан не маленький город, но Савар плотник, и его знает едва ли не весь южный квартал. Алена, ты понимаешь, что тебя ждет? Узнай кто, что Савар выкинул тебя на улицу как котенка, и никому ты уже будешь не нужна.

Слова подруги хлестали по сердцу розгами. Я стискивала челюсти, не позволяя себе разреветься. Не будь со мной дочки, расплакалась бы, чтобы вымыть слезами всю боль из души, но ради Вероники я должна была держаться.

– Я тоже не смогу тебе помочь, – продолжила Ида. – Сама-то работаю подавальщицей, знаешь же, какие копейки платят.

– Я попробую найти работу. Кто-нибудь все равно меня примет, хоть поломойкой, хоть на кухню. Мне бы только пожить где-то недолго, пока денег не разыщу. Ида, ты единственная в этом городе, кого я хорошо знаю... – я замолчала. Совесть не позволяла просить, душила, перехватывала горло. Я скосила глаза на дверной проем, ведущий в гостиную, где на диване калачиком свернулась дочка, и заткнула внут-

ренный голос. – Пусти к себе, пожалуйста. Ненадолго, только пока я ищу работу. Я бы ни за что не стала проситься, если бы не Вероника. Не буду же я в самом-то деле на улице ночевать с ней.

Ида молчала, помешивая чай в чашке маленькой серебряной ложечкой. На меня подруга не смотрела, и я не могла понять по ее лицу, о чем она думает. Отвечать девушка тоже не спешила.

– Я рассказывала тебе, что Митан наконец-то позвал меня на свидание? – вдруг сказала она, отпивая исходящий паром напиток.

Я мотнула головой, не понимая, к чему смена темы.

– Мы решили жить вместе. Сегодня и решили... Знала бы ты, какой Митан замечательный, – Ида вздохнула с мечтательной полуулыбкой.

О постоянных похождениях Иды по разным “Митанам” можно было слагать легенды, и после каждого такого свидания подруга вдохновенно рассказывала, какой хороший мужчина встретился на ее одиноком жизненном пути. Ида постоянно рассказывала мне обо всех ее кавалерах, но сегодня, прямо сейчас, эта тема была неуместна, и мы обе это понимали. Вот только заговорила подруга о Митане сразу после того, как я попросилась у нее пожить.

Будь я одна, то ушла бы прямо сейчас, но в гостиной, пригревшись у камина, сопело мое самое главное сокровище. Я не могла выдернуть ребенка из теплого уютного дома “нашей

тети Иды” и вывести на дождливую ночную улицу. Савар даже вещи не позволил собрать, не то что взять несколько монет из накоплений, чтобы хватило на комнату в ночлежке.

– Уже поздно, – Ида бросила взгляд на настенные часы. – Мне завтра в утреннюю смену. Вы можете остаться на ночь в гостиной...

– Спасибо, – прервала я ее. Не хотелось мне слушать оправдания, почему мы не можем остаться на подольше. Мне было стыдно, что я вообще к ней попросилась, но в то же время была благодарна хотя бы за то, что подруга не выгнала нас в столь позднее время.

Ида скрылась в спальне, через пару минут вынесла комплект постельного белья и пожелала добрых снов. Когда она умылась, потушила свечи и ушла в свою комнату, я присела на пол перед диваном.

Дочка крепко спала. Она всегда старалась заснуть в особо стрессовых ситуациях, чтобы не знать, что происходит наяву. Сны ей снились яркие, красочные и добрые, а реальность, увы, такой не была. Не сказать, что мы с ее отцом часто ссорились – скорее, старались вовсе не разговаривать. В первые годы я не понимала, почему мужчина, узнав о моей беременности, довольно быстро предложил переехать к нему, а сразу после переезда будто бы пожалел о своем решении. Но сегодня, когда он сказал, что бабушки Герды не стало, в моей голове, как мозаика, сложился ответ.

Герда, узнав, что я забеременела, куда-то ушла. Вернулась

поздно вечером, а на следующее утро в наш дом приехал Савар. Я тогда так обрадовалась, что даже мысли не возникло, как вообще Савар узнал, что у него будет ребенок. Потом я об этом, конечно, думала и даже спрашивала у него, а он отвечал, что просто почувствовал. Глупая Алена, глупая.

В приоткрытую форточку пробрался сквозняк, пламя в камине дернулось, и на стенах заплясали янтарные всполохи. Вероника поморщилась, почмокала губами и приоткрыла глаза, но всего на миг. Увидев меня, улыбнулась и вновь заснула.

Я не стала будить ее, накрыла пледом, а себе постелила на пол одеяло. Заснуть все равно не удастся, но тело требовало лечь и не шевелиться хоть какое-то время. Мне нужно было о многом подумать, а времени оставалось совсем мало. Вот-вот часы пробьют восемь утра, Ида соберется на работу, и нам тоже нужно будет уйти.

Вот только идти было некуда.

ГЛАВА 2

Усталость взяла свое, и я все-таки заснула, а проснулась из-за слепящего солнца. Ласковый лучик светил прямо в глаза, заставляя нехотя перевернуться на другой бок. Большая стрелка настенных часов приближалась к восьми – пора вставать.

Из спальни Иды донесся шорох. Я подскочила, свернула одеяло и осторожно сложила в ногах спящей дочки.

– Ида? – постучав в дверь комнаты, шепотом позвала подругу.

Ида, растрепанная ото сна, в одном ночном платье походила на милое привидение. Впустила меня, зажгла фонарик и так же шепотом сказала:

– Мне нужно уйти уже через час. Я умоюсь и накрою на стол, позавтракаем.

– Пожалуйста, покорми Веронику, а я сбегаю дом... к Савару. Он не дал мне вчера забрать мои вещи.

Подруга вздохнула:

– Ты думаешь, он за ночь поразмыслил и передумал вас прогонять?

– Я и не хочу возвращаться! Мне только нужно забрать свой рюкзак, это очень важно, понимаешь? Савар... он не должен его увидеть. Я спрятала рюкзак в полу под кроватью, муж никогда туда не заглядывал, пока я жила в доме.

– Ален, – Ида отбросила щетку для волос и обернулась ко мне. – Попросись назад, мой тебе совет. Может быть, он сжалится и все же...

– Да что ты такое говоришь? – я от возмущения заговорила громче, но опомнившись, вновь перешла на шепот. – Он выгнал нас ночью на улицу! Мы и без него справимся, не знаю, как, но я что-нибудь придумаю.

– Я побуду с Вероникой, – кивнула Ида, направляясь к двери. – Но через час я должна уйти, заberi дочку до этого времени.

Она больше ничего не сказала, ушла в ванную и заперлась там. Мне же нужно было забрать рюкзак, о содержимом которого не должна узнать ни одна живая душа, и взять хоть какие-то платья для дочки. Мне и одного пока хватит, а ребенку одежды нужно больше.

Выскочила на улицу, аккуратно прикрыла за собой дверь. Бирцан оживал, как обычно, к восьми часам. Улицы города заполнились людьми. Торговцы спешили на работу в центр, служанки богатых господ торопились в овощные лавки за свежей зеленью, пекарни открывали окна, чтобы аромат сладкой выпечки разносился до северных кварталов, привлекая клиентов. Лаяли псы, гоняя вечно голодных птиц, которые то и дело норовили залезть людям в лицо, выхватывая изо рта булку. Со стороны площади доносились звуки арфы, детский смех и выкрики торговцев – сегодня в Бирцане отмечали большой праздник в честь начала Третьего лет-

него месяца.

Город жил привычной ему жизнью, и никому не было дела до того, куда так торопится девушка в стареньком застиранном платье. Я же бежала по улицам, не глядя под ноги. Савар уже должен был уехать на работу, но вот-вот обязательно придет его мать, чтобы проверить, как справляется с хозяйством ее невестка. У меня было всего полчаса, чтобы добежать до окраины города, зайти в дом, вскрыть доски в полу, вытащить рюкзак, запихать в него несколько дочкиных платьев и вернуться на Сорную улицу.

К счастью, я ни в кого не врезалась, никого не сбила с ног. Когда впереди показалась зеленая крыша мужниного дома, припустила со всех ног и затормозила только у входной двери, с ужасом вспоминая, что ключей у меня нет. В панике оглядела двор, по обыкновению заваленный деревом, досками, бревнами. В небольшой клумбе рядом с пышным розовым кустом под булыжником Савар обычно оставлял ключи для своей матери... Метнулась к нему. Ничего. Вытерла грязные ладони о подол, не заботясь о чистоте платья, облизнула пересохшие губы.

В голове картинкой вспыхнуло воспоминание – прежде чем Савар вернулся домой, я открыла окно в бане, чтобы проветрить и просушить помещение. Если муж его не закрыл, то есть шанс попасть внутрь.

Я воровато осмотрелась. Наш дом находился в отдалении от других, потому что Савару нужно было как можно больше

земли. У нас единственных в этом квартале был огород, да не какой-нибудь, а размером едва ли не с целое поле. Вряд ли кто-то заметит, как я лезу через окно.

Увидев, что створка так и осталась открытой со вчерашнего вечера, я едва не закричала от радости. Радоваться было особо нечему – мне придется пробираться в дом, где я жила много лет, через окно, будто воришке. Но я была в нескольких шагах от своего тайника, и вот-вот заберу то, зачем пришла. Главное, чтобы мой рюкзак никому не попал в руки.

Подхватив юбки, перепрыгнула через подоконник и прислушалась. В доме стояла тишина. Дверь скрипнула, и я попала в прихожую, а оттуда в спальню дочери. Под узкой деревянной кроватью и был мой тайник.

Обдирая кончики пальцев, подцепила край доски и отбросила ее в сторону. Потом еще одну и еще. Рюкзак, который мне еще в другой жизни с гордостью преподнес отец, когда я пошла в первый класс, был со мной всю мою жизнь в Ассоне. Я бы не рассталась с ним и под страхом смерти, а уж о том, чтобы оставить его этому мерзкому гадкому Савару, и речи быть не могло.

Вытащила рюкзак, быстро завернула его в наволочку, туда же запихнула несколько платьев, которые наобум достала из дочкиного сундука. К ним же кинула ее легкие сандалии, и оставалось только найти Заплаточку. Кукла Вероники, которую мы с ней вместе сшили на прошлый праздник Середины зимы, мирно “спала” под лоскутным одеяльцем на стуле.

Заплаточка была дорога дочери почти так же, как мне мой рюкзак из далекого, но родного мира.

Послышался хруст ключа в замке. От страха сперло дыхание, и я попятилась к окну, прижимая к груди наволочку, полную вещей. Взгляд упал на прикроватную тумбочку, на которой стояла маленькая резная шкатулка – копилка дочери. Малышка скидывала туда по одному медяку в месяц, которые я ей втайне от мужа давала – пыталась с детства приучить к грамотному распределению финансов.

Быстро схватила шкатулку, монеты в ней предательски звякнули, и шаги, которые доносились уже с кухни, затихли. У меня была всего доля секунды на решение. Трясущимися руками рванула створку окна, выбросила вещи, следом вылезла сама, не выпуская из руки копилку. Нам эти несколько медяков могут жизнь спасти, а Савару они ни к чему. И уже когда я приземлилась на полусогнутых ногах, подхватила узелок и бросилась бежать без оглядки, сзади донесся женский голос:

– Стой, мерзавка!

Мать Савара пришла немного раньше, или это я просчиталась? Неважно, все это уже неважно. На моих губах играла дурацкая улыбка, когда я неслась по мощеным улочкам, сжимая в руках все свое имущество. Муж, разумеется, знал где меня искать, но к тому времени, как мать сообщит ему о вопиющей наглости его жены, меня в Бирцане уже не будет.

Стоя там, в маленькой спальне Вероники, я неожиданно

для себя приняла важное решение – вернуться туда, откуда все началось. Другого выхода все равно нет, а дом Герды, я уверена, надежно защищен и ждет меня. Бабушка хоть и разозлилась тогда на меня, и требовала немедленно собирать вещи и ехать к Савару, но она бы ни за что не оставила свое жилище кому-то еще. Герда не раз говорила, что моя инициация прошла успешно, вот только я все испортила тем, что забеременела. Новость о том, что у меня будет ребенок, потрясла меня до глубины души в мои восемнадцать лет. Герда просила избавиться от... Даже думать об этом сейчас было страшно. Тогда тоже было страшно, и я рискнула оставить Веронику, и ни разу об этом не пожалела.

Дыхание сперло от быстрого бега. Я присела на крыльцо всего на минутку, чтобы прийти в себя, и уже после вошла в дом. Ида сидела на диване, нервно постукивая наманикюренными пальцами по деревянному подлокотнику и, увидев меня, подпрыгнула на месте.

– Где Вероника? – я разулась, оглядываясь.

– Завтракает. Мне уже пора выходить, Грерог с моих плеч голову снимет за опоздание.

– Прости, я и так торопилась. Но все получилось! Я забрала и свои вещи, и вещи для дочери...

– Алена, я тороплюсь, – недовольный резкий голос подруги будто окатил меня ледяной водой с головы до ног.

– Мы сейчас уйдем, не волнуйся, – тихо ответила я, направляясь на кухню.

Вероника сидела в углу на стуле и грызла баранку, заметив меня, улыбнулась. При виде покрасневших от слез глаз дочки я стиснула челюсти. Ничего, мы справимся, справимся!

– Малышка, нам пора, – потрепала Веронику по голове, удобнее перехватывая узелок с вещами. Копилку я все еще держала в руке, боясь выпустить ее из поля зрения.

– А куда мы? Домой, да, мам? – Девочка спрыгнула со стула, схватила со стола бумажный пакетик и объяснила: – Это тетя Ида собрала для меня. Там баранки вкусные, я поделюсь с тобой.

– Хорошо, идем скорее. Тете Иде пора на работу, а мы кое-куда поедем.

Мы вышли из дома втроем. Подруга замешкалась после того, как заперла дверь на ключ, и открыла рот, чтобы что-то сказать, но я остановила ее жестом.

– Спасибо за то что приютила на ночь. Я уже решила, где мы будем жить, и тебе не о чем волноваться.

Ида облегченно вздохнула и бросилась ко мне с объятиями.

– Ты приходи в гости, обязательно приходи!

– Конечно, – кивнула я, понимая, что больше никогда не появлюсь в этом доме.

Я смотрела ей вслед, провожая по поворота. Обрывки воспоминаний пронеслись в моей голове, показывая прошлое, когда мы с Идой познакомились совершенно случайно на празднике Сбора урожая. И как потом ходили друг к другу в

гости, и как она нетерпеливо ждала рождения Вероники. Даже имя для моей дочери мы придумывали вместе с ней, ведь Савару было совершенно все равно на то, как будут звать его ребенка. Мы были очень близки, и я правда думала, что ближе нее у меня никого нет, не считая дочки, конечно.

А когда меня коснулась беда, то самый родной, самый дорогой человек отвернулся. Ее можно понять, ведь брошенка с ребенком – позор, дружить с такими не позволяет воспитание, но... я не хотела понимать. Я бы ни за что не оставила Иду, окажись она на моем месте.

Вероника потеряла глаза рукой, в которой был зажат бумажный пакетик. Второй она держала последний кусочек баранки, доедая его.

Я смотрела на дочку, и сердце сжималось от боли. Я понимала, что все, через что пришлось пройти мне в десять лет, теперь предстоит и ей. Разве что у меня тогда была бабушка Герда, а у Вероники есть родная мама, и я ни за что не дам ее в обиду. Как бы нас ни встретили в деревне... А нас не встретят, и уж точно не примут назад.

Когда я уходила, Герда мне сказала, что если жизнь вновь приведет меня в Отшельники, я должна быть готова к тому, что мне там не будут рады.

– Мы пойдем домой, мама?

Пора рассказать дочке все, как есть.

– Да, милая, но мы теперь будем жить в другом месте. В Отшельниках. Помнишь, я рассказывала тебе о своем дет-

стве?

– Фу-у-у, – дочка скривила губки, проглотив еду. – Там же нет других детей!

– Есть, конечно, что ты! Ты обязательно с кем-нибудь по-
дружишься, вот увидишь.

– Но ты говорила, что с тобой никто не дружил.

– Я была... не такая, как остальные дети, понимаешь? –
я перевела дыхание.

Вероника не знала, что ее мать в десять лет погибла по
нелепой случайности, а Создатель привел ее к огороду ба-
бушки Герды и там оставил. Местные обзывали подкиды-
шем, и дружить со мной никто не хотел, я вела себя... стран-
но. Ну, всем так казалось, на самом же деле я была до чер-
тиков напугана.

– А какая ты была? Ты никогда мне не рассказывала.

– Когда-нибудь ты узнаешь, – я чмокнула дочку в лоб, по-
гладила по щеке. – Нам пора. Нужно найти того, кто согла-
сится отвезти нас.

В шкатулке сиротливо жались к углу пятнадцать медяков.
За такие копейки нас могут отвезти разве что за город и там
оставить, но больше денег не было, а добраться до Отшель-
ников пешком с ребенком практически невозможно. Веро-
ника сильная девочка, но идти по разбитой, заросшей сор-
няком дороге несколько часов она не сможет.

Обойдя все точки, где обычно стояли пустые повозки и
возничие в ожидании клиентов, несколько раз выслушав не

самые приятные шутки по поводу предложенной мной цены, мы наткнулись на мальчишку лет пятнадцати. Паренек сидел в тени у трактира, привалившись к стене. Рядом с ним дремала тощая лошадь, а вместо крытой повозки, как у остальных извозчиков, эта лошадка была запряжена в телегу, наспех сколоченную из гнилых досок.

– Добрый день! – я улыбнулась как можно шире.

Мальчишка лениво приоткрыл один глаз, окинул меня и Веронику внимательным взглядом.

– Че надо?

– Вы... оказываете услуги перевозки?

– А че, устраивает? – парень хмыкнул, кивнув на телегу.

– За сколько отвезешь в Отшельники?

– За десятку, – всего мгновение подумав, ответил молодой возничий.

Я сдержала ругань. Хотелось пнуть колесо телеги и уже пойти пешком, но здравый смысл подсказал, что нужно уточнить, какую именно десятку парень имеет в виду?

– Медяков, конечно, – раздраженно ответил он.

Спустя несколько часов, проведенных за разглядыванием однообразных видов пшеничных и кукурузных полей, мы наконец въехали в графство Фьордов. Именно здесь, во владениях нищего графа Нэда Фьорда находилась единственная деревушка – Отшельники. И называлась она так не просто так... в поселении расположились дома самых насто-

ящих отшельников. Людей, которые не признают королевскую власть и всячески стараются избежать ее влияния. Восемь долгих лет я жила в Отшельниках, а после переезда к Савару ни разу не возвращалась.

Я приподнялась, чтобы лучше видеть лес. Проехать через него не составляло особого труда – если от графства до Бирцана дорога давно поросла высокой травой, то в лесу была особая, природная тропинка, шириной достаточной, чтобы по ней проехала повозка или телега. Я помнила ее четко, не раз по ней ходила, чтобы посмотреть на поля незнакомого, чужого мира. Просто поля... в город мне запрещалось ходить до восемнадцати лет.

Вот уже и лес остался позади, а сразу за ним я увидела дом, в котором нам с Вероникой предстояло жить. Сердце учащенно забилося, взгляд метался от домика Герды к другим, соседским, руки начинали трястись, стоило мне только подумать, что уже сегодня я должна буду сообщить старосте о своем возвращении. Или не сообщать? В конце концов, отшельники ведь не признают власть... хотя старосте подчиняются. На этой мысли я хохотнула, вспомнив, по какой именно причине деревенские слушаются старика Шерпа – он единственный, кто держит коров и обеспечивает деревню молочными продуктами. Попробуй откажись от его “власти”.

Но как бы я ни веселилась, понимала – предателей, вроде меня, этот народ назад не принимает.

ГЛАВА 3

Лицо Вероники не выражало никаких эмоций, но я хорошо знала своего ребенка и могла догадаться, что она не меньше моего восторгается видами. Отшельники выбрали для жизни, наверное, самое живописное место Лимбурга. Небольшая ровная местность покрытая мелкой изумрудной травой располагалась прямо у подножия высоченных зеленых гор, вдоль которых бежала узкая и неглубокая, но богатая рыбой речушка. По другую сторону поселение скрывал от всего мира непролазный лес с такой богатой флорой и фауной, которой могло бы позавидовать любой другое королевство.

Дом Герды, а теперь мой и Вероники, стоял у самой кромки леса. Герда выбрала это место не случайно – она хотела быть как можно ближе к природе, с помощью которой и зарабатывала на жизнь. Еще она очень не любила людей, а так соседние дома находились на приличном расстоянии от ее. Я, стоя у ворот, видела копошащихся в соседском дворе ребятшек, но все равно он был достаточно далеко. Отшельники построили дома почти вплотную друг к другу, при этом оставив место для огородов и небольших ферм, бабушка же сразу отсоединилась.

Низенький забор окружал дом Герды, дворик и маленький огород, а само жилище нельзя было назвать крошечным – в

нем при желании могло разместиться до пяти человек. Две спальни, кухня, гостиная и прихожая – для многих в этой деревне ее дом казался даже слишком большим. А светлый фасад, террасу перед входом и поросшую зеленью крышу так и вовсе называли вычурными, но это скорее из зависти.

Я так долго стояла у ворот, что Вероника забеспокоилась.

– Мам? Я пить хочу...

– Да, идем, – спохватившись, я обняла узелок с вещами обеими руками.

На негнущихся ногах подошла к входной двери, присела у крыльца и под нижней ступенькой нашарила длинный ключ. Если бы его там не оказалось, это значило только одно – дом Герды защищен и от меня тоже. Но ключ нашелся, и я наконец-то позволила себе счастливо рассмеяться.

– Солнце сегодня особенно жаркое, – проворчала Вероника, опасливо покосившись на мою непокрытую косынкой голову. – Все в порядке?

– Все просто замечательно! – воскликнула я.

Ключ повернулся плавно. Замок щелкнул, дверь легко поддалась. Я не знала, как давно умерла Герда, да и вообще ничего о ней не слышала за последние восемь лет, но пол в прихожей покрывал толстый слой пыли, скопившейся явно не за один месяц. Герда обычно мыла полы несколько раз в неделю, чистота для нее была важна. Когда ты покинула этот мир, бабушка?

– Как грязненько, – вздохнула Вероника. – Мам, можно я

наведу порядок завтра, а сегодня мы с тобой погуляем?

– Ты можешь отдыхать, милая, я сделаю все сама. Наша новая жизнь теперь будет в этом доме... Он тебе нравится?

– Пока не знаю, – дочка, не разуваясь, прошлепала в гостиную.

Я двинулась следом за ней. Ничего не изменилось с тех пор, как я жила тут. Все те же книжные стеллажи, старенький диван по центру, кресло, камин, в который легко мог поместиться пузатый котел, стоящий здесь же, а сразу за арочным проходом – кухня. Там мы с Гердой пили чай по утрам, там же она принимала больных. Вся деревня ходила к бабушке за отварами, но как я узнала позже – Герда была не обычной травницей. Она даже не была сертифицированной лекаркой, вовсе нет... В десять лет меня у себя приютила ведьма, и никто, кроме меня, не знал ее страшной тайны. Наверное, местные догадывались, но ни один из них не стал бы вредить единственной целительнице в поселении.

Кухонные шкафы оказались пусты, разве что стояла на одной из полок одинокая банка растительного масла да плашка соли. Еды, что в пакетике у Вероники, хватит ей только на сегодня. Где добывать пропитание, я пока еще не понимала, но сейчас в приоритете другая проблема – в доме не нашлось ни капли воды, а единственный колодец был только у старосты. К Шерпу я не торопилась и вообще не хотела бы с ним встречаться, но рано или поздно он узнает о моем возвращении, и нам придется поговорить.

Дочкин радостный смех раздался из одной из спален, и я поспешила к ней.

– Я буду жить тут! – радовалась Вероника, заняв мою спальню. Когда-то давно она была моей.

В этой маленькой комнатке у окна стояла широкая кровать, а по обеим сторонам от нее вплотную к стене – книжные стеллажи. Ближе ко входу слева располагался письменный стол и мягкое кресло, а справа – шкаф для одежды. Я очень любила свою комнату, и сейчас, вспоминая годы, проведенные в ней, едва сдержала слезы.

В спальне Герды, которая теперь стала моей, обстановка была куда скромнее. Только узкая кровать у стены да два шкафа для книг и одежды. Все свое время Герда проводила в гостиной у камина: то варила какие-нибудь отвары, то сушила растения, раскидав их на чистой простыни, расстеленной на полу. Множественные баночки и скляночки хранились на чердаке, но и в гостиной под них был выделен целый стеллаж.

Совсем ничего не изменилось за прошедшие восемь лет, даже запах розмарина, витающий в воздухе, был все тем же. Изменилась только я.

Узелок с вещами бросила на кровать, шкатулку с пятью оставшимися медяками вернула дочери. В кладовой отыскала ведро и наказала Веронике запереться изнутри. Я была более чем уверена, что со злыми намерениями никто не сможет даже близко подойти к дому, но чем черт не шутит. Все-

таки я толком не знала, как именно работает защита – Герда говорила, что у каждой ведьмы свои секреты.

Дорога к реке не была долгой, но это если идти через деревню. Я же не рискнула так сразу показываться местным на глаза и двинулась вдоль леса. Отсюда можно выйти как раз к тому месту, где река особенно спокойная. Мысленно старалась считать минуты, торопилась, едва ли не бежала. Я боялась за оставшуюся в одиночестве Веронику, хоть и понимала, что мой страх необоснован.

К реке подобралась с самой пологой стороны, быстро разгулась и отошла чуть дальше от берега, чтобы не зацепить ведром прибрежный мусор.

Вода холодила ноги, крупные рыбы испуганно сторонились и торопились уплыть как можно дальше, а я пожалела, что не захватила острогу из кладовой, но в то же время обрадовалась, что рыба из этой реки никуда не исчезла. Отшельники питаются ею на завтрак, обед и ужин, и пусть в деревне всего восемьдесят семей, я боялась, что рыба рано или поздно закончится, но ее будто стало еще больше.

Мои размышления прервал чей-то раздирающий душу плач. Я поспешила выйти на берег и обуться, ведро с водой оставила на поляне и двинулась в ту сторону, откуда, как мне показалось, я слышала звуки. Чем ближе подходила к высоким кустарникам, тем громче плакала девушка.

– Чтоб тебя козел забодал! – сквозь рыдания воскликнула она и шумно опустила на землю плетеную корзину с каки-

ми-то тряпками. – Да и вообще, сам ты и есть козел!

Я растерянно оглянулась, раздумывая, не уйти ли, пока меня не заметили, но в этот момент девушка схватила что-то из корзины и, размахнувшись, бросила в реку. Под моим ошарашенным взглядом кофту уносило течением, а следом за ней брюки, кожаный жилет, еще одну кофту...

Девушка сыпала проклятия в адрес, совершенно точно, мужчины, а я не знала, что мне делать. Подойти и успокоить? Уйти и не мешать? Так раздумывала до тех пор, пока незнакомка не повернулась ко мне боком, и я не увидела ее лицо.

Сердце пустилось вскачь, в голове отрывочными воспоминаниями пронеслись картинки одна за другой: мне десять лет, я всего неделю как живу в незнакомом мне мире. Испуганный ребенок, не осознающий, что уже умер, что мама далеко, и никогда ее больше не увидит. Местные дети не то что не хотят со мной играть, они кидаются камнями, обзываются, я плачу и убегаю. Бабушка Герда молчит, не утешает и не пытается ничего мне объяснить, а я рыдаю каждую ночь... Единственным моим развлечением было наблюдать через забор, как играют другие дети. День за днем, месяц за месяцем.

Пока меня не увидела Дария. Девчонка со светлыми тощими волосиками, худая и высокая, в красивом новеньком платье, таком, о каком другие девочки могли только мечтать. Дария – дочка старосты, и по местным меркам считалось, что она из зажиточной семьи. У Шерпа ведь целых семь ко-

ров – невиданная роскошь!

Когда пришло мое время покинуть Отшельники, она была единственной, кто не плюнул мне в спину, не назвал предательницей.

Сейчас она не выглядела такой же счастливой, какой была когда-то раньше. В прошлом она всегда улыбалась, каждый день без исключения. Больше не была тощей, а очень даже пухленькой, да и волосы ее сменили нежный золотистый оттенок на грязно-песочный.

Мои ладони сами собой сжались в кулаки. Где-то на задворках сознания билась мысль, что я должна немедленно выяснить у подруги, что с ней приключилось, но здравый смысл твердил другое – мы не общались восемь лет. Даже родная, казалось бы, Ида меня покинула, бросила, оставила разбираться с проблемами самостоятельно. Как меня встретит Дария, которую тогда бросила я сама? Ведь даже попрощаться с ней толком не успела, лишь обмолвилась парой фраз, забираясь в повозку к Савару.

– Отправляйся к демонам, тварь болотная! – заключила свои ругательства Дария, вслед за вещами бросив в реку и корзину. Пожелание пойти к демонам предназначалась явно не ей, а кому-то, кого я не знала, но очень хотела выяснить.

Девушка быстрым шагом уходила от реки, яростно размахивая руками. От нее за километр фонило злостью и раздражением. Наверное, не самое лучшее время, чтобы внезапно встретиться со старой подругой...

– Дария! – ее имя сорвалось с моих губ само собой. Я прикусила язык, но было уже поздно.

Девушка замерла, испуганно обернулась, но не увидела меня из-за кустов и решила, что ей показалось. Судорожно вытерла мокрые щеки, еще раз мимолетно взглянула на кустарник и двинулась дальше.

Я не могла ее сейчас отпустить, просто не могла! Нет, я бы ее нашла в деревне позже, но тогда мы бы вряд ли сумели поговорить без посторонних глаз и ушей.

– Дария, стой!

– Да что за?.. – девушка резко развернулась, в недоумении раскрыла рот.

– Я все объясню позже, – быстро проговорила я, сдерживая нервную улыбку. – Моя дочь совсем одна, я должна вернуться домой, но и не встретиться с тобой не могла.

– Дочь?.. – Дария смотрела на меня круглыми заплаканными глазами, шмыгала носом и вдруг завопила: – Аленка?! Аленка!

Удушающие объятия, новый приступ рыданий, теперь уже плакала не только она, но и я. Подруга стискивала меня со всей силы, а я ее, и не могла поверить, что мне рады. Она действительно рада меня видеть? Я не сплю?

– Пресвятой Создатель, Аленка, как я тебя ждала! Я думала, ты уже никогда не вернешься!

– Я и не собиралась... но все потом, позже тебе все-все

расскажу.

– Я приду к тебе завтра, ладно? – Дария наконец выпустила меня из захвата. – Мне тоже пора домой, скоро муж вернется, а я еще не все его вещи испортила.

Меня разбирало любопытство! Да и разве могло быть иначе? Но Вероника уже не меньше получаса совсем одна в незнакомом ей доме, у меня не было времени на дружеские посиделки. Мы попрощались с Дарией, она пообещала прийти в гости, и я, окрыленная, помчалась домой. Я в Отшельниках не одна! Могла ли о таком мечтать? Теперь все будет намного проще, легче, не в делах, разумеется, но морально мне стало намного спокойнее.

Дочка встретила меня, сидя на подоконнике. Я так и затормозила, задохнувшись от возмущения и едва не расплескав всю воду.

– Вероника!

– Мам!

– Я же просила запереться! – быстрым шагом преодолела расстояние до окна. Взволнованно осмотрела дочь – она в порядке, зря переживала.

– Так я заперлась, – нахмурилась Вероника. – Сейчас открою, погоди.

Дочка унеслась в прихожую, я дождалась, пока она отодвинет засов, и вошла внутрь.

– А ты чего такая радостная? – Вероника прищурилась, окинув меня подозрительным взглядом.

– Встретила свою старую знакомую. Мы с ней в детстве дружили.

– Таковую же, как тетя Ида?

– Нет, – хмыкнула я, вспоминая налет презрения во взгляде бывшей подруги. – Дария – настоящая подруга, и она очень хорошая, вот увидишь. Завтра она придет в гости, если сможет.

– А у нее есть дети? – оживилась дочка.

Блеск в ее глазах гасить не хотелось, но и лгать смысла не было.

– Я не знаю. Мы ведь давно не общались, но думаю, что есть.

– Я бы хотела с ними подружиться!

– Вот завтра придет, и мы спросим, хорошо? А сейчас попей воды и, если хочешь, можешь помочь мне с уборкой...

– Я осеклась, вздохнув. – Воды не хватит, чтобы отмыть все комнаты.

Дочка поджала губы, не зная, что сказать. Обычно она всегда стремилась мне помочь, чем могла, но сейчас не понимала, что в ее силах. Где взять воды она не знала, с чего начать уборку – тоже.

– Съедем по бублику? – предложила малышка, указывая на бумажный пакетик. – Как раз два осталось.

– Ешь, милая, а я не хочу, – улыбнулась я, стараясь не обращать внимание на гневный протест желудка. Вот уже вторые сутки в моем рту не было ни крошки, но, если съем сей-

час хоть часть съестных запасов, чем кормить дочь завтра не представляла.

И я совсем не думала о том, что новости и сплетни в деревнях распространяются со звуковой скоростью. Или Дария рассказала кому-то о моем возвращении, или меня и Веронику кто-то все-таки увидел. Нежданный гость пришел поздно вечером, когда мы уже легли спать, и стучал в окно так настойчиво, что мне пришлось практически бежать к нему, лишь бы не разбудил ребенка.

ГЛАВА 4

С одной стороны мне хотелось поскорее открыть дверь, чтобы звонкое дребезжание стекла не нарушило сон дочки, с другой – от страха тряслись руки, и я никак не могла сдвинуть засов. Кто мог прийти так поздно и, главное, зачем?

Схватила фонарь с гвоздика, толкнула дверь и вытянула его впереди себя, чтобы лучше видеть гостя. Мягкий свет выхватил из темноты смутно знакомое лицо сплошь усыпанное веснушками. Парнишка лет двадцати пяти примерно, одет в рваный шерстяной жилет на голое худощавое тело, вытянутые шорты длиной до колена, из обуви – высокие сапоги. Рыжие волосы топорщились во все стороны, передние зубы были похожи на заячьи и делали вид паренька наивным и немного придурковатым.

Я выдохнула. Этого мне бояться нет смысла.

– Алена, ты и правда вернулась?!

– Тише! – я быстро шагнула за порог, закрывая за собой дверь. – Вернулась, вернулась. А ты кто?

– Так Зафар же! – парнишка радостно всплеснул руками.

Зафар? Я нахмурилась, вспоминая. Впрочем, забыть того, кто все детство задира́л тебя, кто самый первый придумал бросать камнями в “ту странную девчонку”, было невозможно. Я едва сдержалась, чтобы прямо сейчас не ответить обидчику за все, что он сделал.

– Не думаю, что я хочу звать тебя в гости, – фыркнув, уже собиралась уйти, но Зафар схватил меня за запястье.

– Да помоги ты мне! – умоляюще заныл он. – Герда померла, а я без ее отваров не могу... ну, ты понимаешь.

– Не понимаю, – руку я выдернула, но уходить не торопилась. Возможность заработать еды пришла прямо домой, разве я могла отказаться?

– Я как услышал, что ты вернулась, так сразу и понял, что приехала продолжать бабкино дело. Так? – Зафар говорил быстро, сбивчиво, глотая окончания слов. – А я тебе заплачу, вот ты мне сделай отварчик, я попробую, и если он поможет, то за следующий сразу же заплачу!

– Оплата сразу.

– А если он не поможет? – возмутился парень.

– В таком случае тебе здесь нечего делать, не отнимай мое время.

– Да стой ты! Ладно, ладно! Только сделай... и, никому не говори, что я к тебе приходил, поняла? – Зафар угрожающе вскинул кулак.

Я приподняла одну бровь, всем своим видом выражая все, что думаю о его угрозах. Паренек сник.

– Чем заплатишь?

– Мы только кур держим, яйца устроят? Денег нет, сама понимаешь.

– Десяток яиц, и договорились.

– Отлично! Спасибо, Аленка!

Парнишка уже рванул на выход со двора.

— Что за отвар-то тебе нужен? — раздраженно бросила ему вслед, и он вернулся.

Подошел ко мне близко-близко, а чтобы дотянуться до моего уха, ему пришлось привстать на цыпочках.

— Ну... для мужской силы, понимаешь? Ну, чтобы подольше можно было...

— Иди уже, — я оттолкнула его. — Поняла. Будет готов завтра к вечеру.

Поспать мне и сегодня вряд ли удастся. Убедившись, что Вероника спит, отправилась на чердак. Узкая лесенка вела под крышу дома через люк в потолке с той стороны, где была баня, и как по ней забиралась Герда, я не представляла. Даже мне с трудом удалось удержаться на хлипких перекладинах.

Бабушка Герда начала учить меня в одиннадцать лет. Говорила, как ей повезло, что я появилась в ее жизни, что она теперь будет спокойна, а ее дело продолжится, и дар не пропадет. Днями и ночами я изучала травы, варила собственные отвары, которые потом, впрочем, выливались в землю, и вела личные дневники с записями. Их я хранила на чердаке рядом с бабушкиными.

Все испортила я сама. Разбила надежды Герды, да и свои тоже, когда она сказала мне, что дар я смогу получить только после инициации, а вот инициацию пройти должна, потеряв девственность. И нет, в появлении Вероники была виновата вовсе не Герда, бабушка дала мне отвар против беременно-

сти, но вот если бы я не забыла его выпить... Все могло быть по-другому. Какой была бы моя жизнь, не забудь я выпить отвара, не знала, да и уже знать не хотела. Без Вероники не представляла свою жизнь, неважно, чего мне стоило рождение дочери.

Пискнув, мышка бросилась из-под моих ног в дальний темный угол и затаилась там. Грызунов я не боялась, но и предоставлять им жилье в собственном доме не хотела, так что в голове мгновенно появилась мысль завести кота. Дочка обрадуется, а я потом пожалею, но зато не будет мышей.

Отыскать свои дневники не составило труда, и я вернулась с чердака в гостиную, прижимая к груди несколько толстых тетрадей. Нет, я в деталях помнила, какие нужны растения для отвара, но и свериться с записями было необходимо, вдруг упустила что.

На какой странице был записан рецепт, не знала, так что открыла с самой первой. Ностальгия по ушедшим временам сопровождалась горечью потери, взгляд то и дело метался по гостиной в поисках деталей, напоминающих о прошлом. Сосредоточиться на написанном не получалось, но вскоре мне удалось отыскать нужную страницу. Спасибо, бабушка, за то что позволила пройти инициацию. Спасибо за то, что хотя бы завтра вечером у нас с дочерью будет ужин.

Я не думала, что кто-то еще, кроме Зафара, придет ко мне за помощью, но и на одних яйцах можно протянуть достаточно долго. Отвар для мужской силы готовится в малень-

ком количестве, такой бутылочки хватает на два-три приема. Как часто Зафар пользуется своей мужской силой, мне было неизвестно, но, если судить по его внешности, вряд ли за ним бегают толпа поклонниц.

Тогда я еще не знала, чем обернется мое возвращение в деревню и помощь Зафару. Листала дневники, улыбалась, вспоминая, как правильно пользоваться силой природы, а за окном потихоньку занимался рассвет.

Бублики, которые Ида дала с собой Веронике, закончились еще вчера. Завтракать было нечем, и я в надежде, что в подполе у Герды найдется хоть что-то съестное, откинула крышку люка в полу.

Подпол “обрадовал” пустотой и отсутствием хоть одной банки с соленьями. Раньше бабушка любила возиться в огороде, и даже в неурожайные годы Герда могла похвастаться сочными томатами и несколькими мешками картофеля с маленькой плантации. Все-таки, ведьма – это не просто слово. В том, что и у меня с огородом дела пойдут отлично, я не сомневалась. Дар бабушки переданся мне еще в восемнадцать. Оставалось только дожидаться весны, но прямо сейчас есть было нечего.

Обернувшись еще раз вокруг своей оси, внимательным взглядом окинула помещение и обнаружила пять картофелин, забытых здесь еще, наверное, с прошлого года. Благодаря сухому прохладному воздуху и, наверное, чуть-чуть магии природы, эти пять несчастных картофелин не проросли

и не испортились. Скучный завтрак – это все же завтрак, поэтому я вытащила найденное из подпола и принялась за растопку камина.

Герда не имела в доме печи, все готовила именно в камине и только в своем котле. Он служил кастрюлей и для супов, и для отваров, а когда я спрашивала, почему бы не приобрести кастрюлю, то бабушка говорила, что незачем использовать несколько одинаковых емкостей. Я ее не понимала, но не спорила.

Сейчас же мне предстояло сварить картошку в котле, в котором через несколько часов буду готовить зелье. Зельями эти лекарства называла только я, а Герда хоть и хихикала, но запрещала мне где-либо на людях употреблять это слово.

Завтрак был готов и разложен на тарелки. Себе я положила две картофелины, дочке три, справедливо рассудив, что моему организму нужно меньше энергии. Вероника еще спала, впервые за долгое время спокойно. Она точно знала, что рядом мама, и что постоянно пьяный отец теперь далеко. У меня рука не поднялась разбудить дочку, и так я сидела за столом на кухне у открытого окна не один час.

Наблюдала за соседями, стараясь особо не высовываться. В доме, где еще вчера я видела толпу ребятишек, сегодня было как-то тихо. Ораву малышни видно не было, и только сушащееся белье на десяти веревках, растянутых во дворе, указывало на то, что в доме живет совсем немало людей.

Напротив него стоял совсем крошечный домик с покосив-

шейся крышей и выбитым стеклом в одном из окон. Но он тоже был жилым – на крыльце сидел мужик с дымящейся трубкой в зубах. Из одежды я старалась разглядеть на нем хоть что-то, но видела только трусы и шляпу. Загорает?

Следом можно было увидеть еще один дом, а вот остальные уже были скрыты от моего взора. Но если ничего не изменилось в Отшельниках за последние восемь лет, то я и так знала, кто и где живет. Староста Шерп с дочкой Дарией имели клочок земли и дом у самого подножия гор, слева от них жила семья Зафара, состоящая из мамы, папы и троих мальчишек-погодок. Сейчас, конечно же, они стали взрослыми парнями, одного вон ночью видела, но разъехались ли или так и продолжают жить все вместе?

Через пять домов от моего жила бабка Уля – подруга Герды. Она уже тогда была очень старой, а сейчас, наверное, и вовсе покинула этот мир. Но я все же обязательно к ней схожу, проведу, и, если бабка жива, попрошу о помощи. Уля меня любила даже больше, чем Герда, уж она-то мне точно в помощи не откажет.

Многих я, конечно, не знала и тогда, когда жила в Отшельниках. Все мое общение с местным населением ограничивалось Гердой, она позволила мне общаться только с Дарией, и то строго-настрого запретила говорить ей правду о том, кто я такая. Время от времени я все же сбегала из дома, носилась по лесу, ходила в гости к Дарии, плескалась в реке, пока на горизонте не появлялась “банда” мальчишек, главным в

которой был Зафар.

При воспоминании о том, как в меня первый раз прилетел мелкий камень, брошенный его рукой, свело зубы. Захотелось отказать ему в помощи или испортить лекарство, но ни того, ни другого я не сделаю. Нам нужны продукты, и совсем неважно, кто и за что их принесет. Заработать в этой деревне я могла только целительством, и очень надеялась, что людям лечение все еще нужно, как и раньше.

Солнце поднялось еще выше. Стрелка стареньких настенных часов показывала семь утра, и я все же разбудила дочку. Сонная Вероника молча умылась, забралась на стул и подвинула к себе тарелку с уже остывшим картофелем. Дочь привыкла питаться сытно, и я ожидала, что вареные овощи на завтрак ей не придутся по вкусу, но она съела их, пусть и без удовольствия. Каким бы плохим и невнимательным не был Савар, но денег на продукты давал всегда, хотя бы потому, что сам он любил поесть вкусно и много.

– Мне скучно, – вздохнула Вероника, запивая завтрак водой. – Можно мне погулять по деревне, может, встречу других детей?

Тарелки я не стала мыть слишком тщательно, чтобы сэкономить воду, только чуть-чуть сполоснула и поставила в шкаф.

– Сегодня у нас с тобой экскурсионная программа по лесу, – порадовала я ребенка. – Нужно собрать кое-какие травы, а ты мне поможешь. Согласна? Потом сходим за водой и

немного уберем дом.

Вероника улыбнулась. В лесу она никогда еще не была, не считая того, что вчера мы проезжали через него.

Поход в лес все же ненадолго пришлось отложить. Я помогала дочери одеться, когда через окно увидела спешащую к нашему дому соседку. Женщина едва ли не бежала, а за ней торопился тощий мальчишка лет восьми. В какой-то момент ребенок споткнулся о травяную кочку и грохнулся плашмя, получил за это подзатыльник широкой ладошкой и был отправлен домой.

ГЛАВА 5

Грузная соседка, чьего имени я не помнила, в отличие от лица, которое ничуть не изменилось за последние восемь лет, с разбегу запрыгнула на крыльцо, едва его не проломив.

– Аленка, выросла-то как! – в восхищении женщина распростерла руки мне навстречу, а заметив, что я не проявляю никакой радости от ее появления, воскликнула. – Ну, тетя Клара же, ну! Забыла уже что ль?

Я ловко увернулась от ее руки, когда она попыталась схватить меня за щеку, как в детстве, и улыбнулась. Клара, точно. И как могла забыть?

– Я так понимаю, уже вся деревня в курсе моего возвращения?

– Еще не вся, – Клара отпихнула меня тяжелой рукой и вошла в дом. Ей не нужно было приглашение, она вообще не понимала, зачем к соседям в дома нужно стучать, прежде чем войти. – Но я-то как услышала, сразу и побежала. Ох, Аленка! Помню тебя вот такусенькой, маленькой, худющей, а сейчас ты погляди-ка! Волосищи... Где волосищи-то? Подстриглась?

– Пришлось, – кивнула я, поморщившись. Потеря волос для меня была морально болезненной, Савару не нравились длинные “лохмы”, как он их называл, и заставил меня укоротить роскошные локоны. Сейчас они, конечно, уже отрос-

ли, но все равно были едва длиннее лопаток.

Пока Клара по-хозяйски осматривала дом, возмущалась загрязненности, чихала от пыли и вспоминала Герду с ее излишней любовью к чистоте, из кухни выглянула Вероника.

– Батюшки! – Клара испуганно дернулась ко мне, а потом, прищурившись, глянула на мою дочку. – Ребенок! Не мой ли?.. Ой, нет. Я было уж подумала, из моих кто прибежал.

Не успела я удивиться и хоть что-то спросить, соседка объяснила:

– Вот будет у тебя тринадцать детей, поймешь!

– Тринадцать? – я присвистнула. – Я помню только пяти-рых...

– Да окстись, Аленка, ты чего? Еще при тебе у меня было уж три дочки, да четыре сыночка. А тебя поди как долго не было тут, восемь лет уж прошло, так я еще нарожала. Кстати, – Клара, будто спохватившись, обернулась ко мне, и по ее взгляду сразу стало ясно – будет что-то просить. – Я к тебе чего так торопилась-то... Бабка-то твоя полгода назад померла, а я тогда была беременна Ашенькой. Разродилась прямо перед ее смертью. Ну пока похороны, пока проводы, пока малыш мой от титки оторвался, я и не думала... Аленка, помоги, а?

По моим вмиг взлетевшим бровям соседка поняла, что лично я ничего не поняла.

– Ну не могу я забеременеть уже месяца три как! Это разве дело? Все мои детки появлялись в животе уже через пару

месяцев после родов, а тут никак, и все. Была бы жива Герда, я б к ней обратилась, но ее ведь нет уже.

– Тринадцать деток? – переспросила я, хотя точно помнила названное ею количество. – Последний родился полгода назад?

Клара закивала, из-под светлой косынки выбилась темная прядь. В серых глазах читалась скорбь и надежда, грустно поджатые губы не позволяли мне спросить, зачем Кларе четырнадцатый ребенок так скоро. Но чужие предпочтения меня не волновали, волновало другое – почему все вдруг решило, что я могу помочь?

– Герда ведь была целительницей, – аккуратно заметила я. – Не я, а Герда. И она умерла.

– Ой, – женщина замахала руками. – Все прекрасно понимают, зачем тебя бабка оставила, когда нашла. Думаешь, просто сжалилась? Да как бы не так. Эта старуха и голодного котенка на порог не пустит, не то что чужого ребенка. Герда должна была передать свои знания девочке, а тут ты. Ну, конечно же, все прекрасно понимают, что ты и есть ее... как это... Эм...

– Преемница? – подсказала я.

– Точно, она самая! Так ты поможешь мне?

Вероника ретировалась на кухню, но напоследок тяжело вздохнула. Я обещала ей прогулку по лесу, а сама болтаю с соседкой.

– Ладно, помогу, – согласилась я, не столько ради продук-

тов, сколько ради того, чтобы уже спровадить женщину. – Но не просто так! Мы только приехали, и так получилось, что у нас ни денег, ни каких-то вещей. Плату пока беру продуктами.

– Да откуда у меня лишняя еда-то? – в отчаянии воскликнула женщина. – Я же говорю, тринадцать деток, малыши совсем почти все! Нам самим-то пропитания не хватает.

Отказать ей я уже не могла. Клара снова чихнула, с отвращением осмотрела грязный пол и уходить не собиралась.

– Пошли ко мне Есю и Лельку, пусть помогут в доме убраться, – предложила я. – За услугу и охалку поленьев сделаю тебе и твоему мужу отвар. Он ведь все еще занимается заготовкой дров для деревни?

– Детей-то я пошлю и дров передам, вот только отвар мужу не нужен. Он пить его не будет, что ты!

– А должен, если ты хочешь забеременеть. Сомневаюсь, что у вас дети без его участия появляются. У мужа все в порядке с... тем самым?

Клара вспыхнула, и, наверное, забыв, что я давно выросла, возмутилась:

– Ты что такое говоришь? Тьфу, похабство какое!

– Клара! – мне тоже пришлось говорить громче. – Ты пришла ко мне за помощью, как к целительнице. И мне уже давно не десять и даже не восемнадцать, как ты могла заметить.

Женщина замялась, краска с ее лица ушла, но взгляд забегал по стенам.

– Не все у него в порядке... Да и не в этом дело! Он всегда таким был, понимаешь? Вялый какой-то, небольшой...

Тут пришла моя очередь краснеть. В надежде, что Вероника ничего не слышит, я заглянула на кухню. Дочка сидела на подоконнике и играла с Заплаточкой, и до взрослых разговоров ей не было никакого дела.

– Ему нужно выпить отвар для профилактики, – объяснила я. – Может быть, ты не можешь забеременеть не по своим каким-то причинам.

– Да не будет он пить!

– Скажи, что это чай такой.

– У нас чая в деревне нет, – покачала головой соседка. – Деньги когда появляются, то стараемся купить что-то полезное, а не эти все ненужные излишества. Да и в Бирцан ходить далеко, редко муж мой туда выбирается.

– Придумай сама, ладно? Мое дело – приготовить лекарство.

– Хорошо, – проворчала Клара. – Детей пошлю завтра с утра, сейчас они на огороде заняты.

– За отваром тоже с утра приходи, – сказала я, помня, что вечером мне встречаться с Зафаром, а он просил никому не говорить. Вдруг пересекутся с Кларой у моего дома? Нехорошо получится.

Спровадив Клару, я понаблюдала через окно за ней, чтобы узнать, где та живет. С удивлением поняла, что вон тот соседний дом, в котором я и видела толпу детишек, принад-

лежит ей. А когда-то они с мужем и детьми жили в другой стороне деревни, это я точно помнила.

– Мамулечка-а-а?

– Идем, милая. Мне нужно было поговорить с этой тетей, она пообещала, что ее дети помогут нам с уборкой.

– Я слышала, что у нее их тринадцать. Кошмар, да, мам?

Я фыркнула. Вспомнив, как намучилась с дочерью, пока та была еще совсем малышкой, я не могла даже примерно представить, как справляется Клара. Бессонные ночи, визги, крики, постоянное “не хочу”, а что хочет – не понятно. Наверное, на второго ребенка я уже никогда не решусь.

И на этой мысли улыбка сошла с моих губ – от кого мне заводить второго? Остаток своей жизни я проведу здесь, в Отшельниках, и то если не выгонят, а в этой деревне я вряд ли смогу кого-то полюбить. Нет, не потому что парни здесь плохие, просто я слишком хорошо знала менталитет местных, и мне он совсем не нравился... Да и я, наверное, больше никогда не смогу доверять мужчинам после того, что произошло.

Знала бы я тогда, что совсем скоро моя жизнь преподнесет мне такой сюрприз, о котором я и подумать не могла... Но я не знала и, полная уверенности в том, что личная жизнь закончилась после переезда, повела дочку в лес изучать травы.

Несколько шагов – и вот мы уже стоим под тенью разлапистого дерева, вдыхаем кристально чистый воздух. Пение птиц греет душу, шелест листвы будто вторит залиvistому

чириканию, и даже Вероника заслушалась. У меня с природой были особые отношения еще и до инициации, а уж после я могла слышать в шуме ветра то, что недоступно никому другому.

Бирцанский лес отличался от всех других мшистыми деревьями с толстыми стволами – руками не обхватить. Под ногами во все стороны стелился махровый ковер из мелкой изумрудной травки, усыпанный бесполезными, но очень красивыми цветами и лекарственными травами. Но, на самом деле, в зелья шло почти все. Взять хотя бы листья вот этого дерева, ольхи, три таких листочка на чашку сосновой коры, потомить на огне два часа, и этим средством в считанные дни можно залечить даже очень глубокий порез.

Вот только если любому другому лекарю все это нужно было заучивать, то Герде и мне достаточно просто прикоснуться к растению или листочку, чтобы понять, какими свойствами они обладают. Дневники же у нас были на случай, если пропадет связь с природой, такое уже бывало по словам бабушки. Да и мне они сейчас пригодятся, я в своих способностях общаться с природой все еще сильно сомневалась.

Вероника бегала по кругу, не отставая от меня, но и не убегая вперед. Для нее этот лес был словно сказочный замок, сплошь поросший зеленью, и она верила, что где-то тут живут феи. В сказках они жили именно в таких лесах.

Я довольно быстро наполнила корзинку нужными мне

растениями – веточка паралуса, листья ольхи, сосновые иглы, цветки крамануса. Всего этого хватит на отвар для Клары и для Зафара. Брать больше я не стала – пока не было смысла рвать траву, лелея призрачную надежду, что ко мне кто-то еще придет за помощью. Правда, для себя я набрала немного листьев с куста малины, несколько соцветий римуса и ягоды горенджи. Чая в Отшельниках нет? А у нас с Вероникой будет.

Уходить из леса не хотелось. Будь моя воля, осталась бы в нем жить, наслаждаться приятной прохладой и запахом мха, слушать залиvistое пение кастарок, и знать – вокруг ни души. Этот лес не любят местные, боятся, вот уж не знаю, почему. Хищники здесь водятся, но встретить их можно, только если уйти гораздо глубже.

На глаза попалось еще одно очень полезное растение, которое Герда добавляла едва ли не в каждый отвар – вероника.

– Дочка? – я позвала ребенка, оглянувшись.

Малышка носилась меж деревьев за крошечным зайцем, залиvисто хохотала, а стоило услышать меня, остановилась и крикнула:

– Беги, зайчик!

– Эту травку зовут так же, как и тебя, – улыбнулась я, когда дочка присела рядом со мной на корточки.

Глаза ребенка распахнулись при виде высокого стебля и ярко сиреневых мелких соцветий.

– Ты назвала меня в честь травы, мама?

– Нет, – рассмеялась я. – Мою маму звали Вероника, и тебя я назвала в честь нее.

– У тебя тоже была мама? – дочь недоверчиво глянула на меня.

Я никогда ей не рассказывала о своих родителях, и никогда не говорила правду о своем происхождении. Никто, кроме Герды, этого не знал и никогда не узнает.

– Конечно, была. У всех есть мамы.

– И папы?

Я не нашлась, что ответить. Папа у Вероники есть, но... Есть ли? За семь лет он ни разу не пригласил ее на прогулку, ни разу не играл с ней, даже говорить с дочерью не рвался. Всего лишь однажды пожелал Веронике спокойной ночи, и после этого она два дня пребывала в возбуждении, а каждый вечер кричала папе:

– Добрых снов!

Но он ей не отвечал.

– Мы возьмем эту травку, мам?

– Возьмем, – кивнула я. Растение пригодится, оно действительно помогало едва ли не от любых воспалений.

Вероника обнаружила, что в лесу можно кричать, и никого этим не напугаешь, носилась по узким полянкам, выбрасывала энергию. Я же расположилась на изогнутом стволе дерева, прислонилась к нему спиной и отбросила все-все мысли. Меня не волновал наш разрыв с Саваром, наоборот, я была рада тому, что больше не увижу его, что моя дочь бу-

дет расти в любви и заботе, ну и пусть без отца. Такой отец, как Савар, ей все равно не нужен.

Прекрасное настроение омрачало только одно – мне уже пора идти к старосте и говорить, что я остаюсь. Возможно, он сразу же попросит меня уехать, а когда я откажусь, то соберет деревню на совет, и они уж точно меня прогонят. Мне не дадут жизни, если останусь, и как сделать так, чтобы меня простили, я не представляла.

Домой вернулись не скоро, а по возвращению Вероника засела с книжкой на диване, намаявшись за утро. Я же впервые за восемь лет готовилась варить отвары.

Начисто вымыла котел, не жалея воды, поставила его на огонь. Мелко нарубила нужные растения, и как учила бабушка – говорила с ними, просила помочь тому, кто будет пить зелье. И мне даже казалось, что они отвечают. Легкое покалывание кончиков пальцев и было ответом.

Пока готовился первый отвар для Зафара, я отыскивала пустые пузырьки. Ополоснула их, приготовила под розлив.

Мне хотелось, чтобы все было красиво, как в городских аптеках. Там я была лишь однажды и видела, как симпатично выглядят крошечные стеклянные пузырьки с деревянными пробками, к которым на тонкой бечевке был привязан картонный квадратик с названием лекарств. Таких картонок у меня не было, а вот бечевка нашлась, и когда разлила готовые зелья по бутылочкам, то просто повязала веревочки на них бантиком.

Зафар придет не раньше, чем наступит вечер. Впереди было еще полдня, которые я собиралась потратить на реке, чтобы поймать на обед и ужин пару рыбин, но перед этим мне нужно было настроиться и сходить наконец к старосте.

Настроиться я не успела, Шерп пришел сам. Я увидела его в окно, когда остатками воды протирала кухонный стол от пыли. Старик ковылял по дорожке к моему дому, опираясь на кривую палку, но что-то мне подсказывало, что староста идет в мой дом не за тем, чтобы я помогла ему с ногой, которую он за собой едва ли не волочил. Шерп никогда не пользовался услугами целительницы. Ни разу за те восемь лет, что я жила с Гердой, он не приходил за помощью, даже когда провалился под лед и серьезно заболел.

ГЛАВА 6

Шерп за прошедшие годы сильно постарел и ослаб, это было заметно по тому, как трясутся его руки, удерживающие клюку, как сильно выцвели его некогда темные зрачки. Пушистые седые волосы трепыхались на голове от ветра, делая старика похожим на одуванчика. Казалось, если ветер подует чуть сильнее, он мгновенно станет лысым.

Я вежливо поздоровалась, в дом приглашать не спешила. А Шерп замер у крыльца моего дома и смотрел на меня таким взглядом, что я не знала, бояться мне его визита или, наоборот, радоваться.

– Выросла, – сказал он, пошамкав морщинистыми губами. – Бабка была бы рада знать, что ты не сгинула в этом своем городе.

– Почему я должна была сгинуть?

– Что, уже стала такой же, как они все? – презрительно усмехнулся старик. – Поддалась влиянию законов да правил? Небось, тоже ходила на эти ваши ярмарки, тратила грязные деньги да радовалась, в то время как бедняки не могут себе позволить купить и ломоть хлеба? Платье на тебе, смотрю, совсем простецкое. Нарядные спрятала, решила не показываться в деревне в них?

Я растерянно обернулась, убедилась, что дочка занята книжкой, и прикрыла за собой дверь, выйдя на улицу.

– Шерп, я вас не понимаю. Я все та же Алена, которую вы знали, и, почему я уехала в город, вы тоже знаете.

– Снюхалась с городским, обрюхатил он тебя, что тут не знать? Бабка-то мне все рассказала. Зачем ты вернулась?

– Жить здесь буду, – ответила я сквозь зубы, растеряв всю вежливость.

– Ты здесь не нужна. Возвращайся к своим, а нашу деревню забудь!

– Мне некуда возвращаться. И если Герда с вами говорила, то должна была объяснить, что уехала я не по своей воле, а по ее.

– Все она мне говорила! Только кто ж поверит-то? Предательница! Жила здесь, пользовалась добротой соседской, мы тебя приняли как дочку родную. Повелась на прелести городской жизни? Из-за таких, как ты, в мире никогда не будет нормальной власти! Налоги поди платила? Только на твои налоги король-то себе еще одну летнюю резиденцию отгрохает, а ты в старости побираться будешь!

– Шерп! – я вспылила. Не могла больше молча слушать его недовольства и только каким-то чудом заставила себя не послать старосту к чертям собачьим. – Я прожила восемь лет в Бирцане из-за того, что Герда прогнала меня к отцу ребенка. Моя дочь сейчас со мной, мы ушли от него и сразу вернулись в деревню...

– Уезжай, – выплюнул старик. – Я не дам тебе жизни в Отшельниках, пока я жив, на моих землях предательства не

будет! Сегодня – ты, завтра – кто-то другой, а через год оглянуться не успеешь, как граф Фьорд и нас налогами обложит! Знаешь ли ты, что он уже пытался требовать часть доходов с леса? А с огородов? Он приезжал той осенью и просил часть урожая.

“Лес точно не ваш”, – мелькнула в моей голове мысль, но я ее озвучивать не стала. В моей душе еще теплилась надежда на то, что Шерп сжалится и позволит мне остаться, все-таки не чужие люди.

– Я один тебя прогнать не в силах, – уже чуть тише сказал он. – Но будь уверена, деревенские не дадут тебе здесь жить. После твоего отъезда несколько недель не утихали споры, дети рвались следом, говорили, что вырастут и тоже уедут. Отшельникам придет конец, а все из-за тебя!

Что-то мне подсказывало, что Шерп сильно преувеличивает. Я глянула на старика с подозрением, прищурившись. Староста стушевался, но продолжил смотреть мне в глаза, не мигая. В эту минуту между нами шел равный бой: с одной стороны – он главный в этой деревне, с другой – единственный лекарь куда важнее зазнавшегося старика.

– Хорошего вам дня, Шерп, – я кивнула на прощание, резко развернулась и ушла в дом.

Прислонилась к двери, перевела дыхание, и мысли прояснились. Шерп меня и правда не сможет выгнать, но только если не найдет себе союзников. Что такого плохого я натворила? Да ничего, но староста слишком идейный, чтобы от-

ступать от своих принципов.

Оставалось только одно – как можно скорее наладить отношения с жителями деревни. Вот только, кроме лечения, я не могу ничего им предложить, но не буду же нарочно ходить по домам и спрашивать, не болеет ли кто?

Шерп ушел. Я проследила за ним из окна, схватила острогу из кладовой, и мы с Вероникой отправились на реку. Поймать двух довольно жирненьких рыб не составило большого труда – когда их целая стая на одном пяточке, то даже острой пользоваться не пришлось, поймали руками.

Еще полчаса ушло на то, чтобы разделать ее и пожарить на огне в камине. Веронике понравился обед, да и мне тоже, так что было решено рыбачить почаще.

– Сейчас ходим в гости к одной старушке, – сказала я, убирая со стола.

Дочка лениво пожала плечами, по гостям ходить она не любила, но и сидеть дома в одиночестве ей тоже не хотелось. Я, помня о своем не счастливом детстве без друзей, решила познакомить Веронику с детьми Клары. Но это завтра, а сегодня были другие дела.

Первый выход в деревню, где меня никто не ждал, был волнительным. Благо, Уля жила совсем рядом, нужно было пройти всего несколько домов, и вон та светленькая соломенная крыша, которая виднелась впереди, и есть крыша дома Ули.

Я нервничала и старалась не смотреть по сторонам, чтобы

не наткнуться на взгляды соседей. Вероника шагала рядом, с любопытством оборачиваясь на играющих во дворе детей Клары, пару раз порывалась отпроситься у меня к ним, и мне пришлось пообещать, что отпущу, только чуть позже.

Покосившийся забор Улиного дома заставил меня нахмуриться. Старушка никогда бы не оставила его в таком виде – часть штaketника выломана, часть сгнила. Двор заросший и какой-то не жилой, но за грязным окном мелькнула чья-то тень, и я двинулась к входной двери. Раньше на крыльце всегда была постелена дорожка, сейчас ее не было, как и венка из сухоцветов на двери.

– Здрасти! – парнишка лет тринадцати выглянул через окошечко, заметив нас.

Я его плохо помнила, но догадывалась, что передо мной внук Ули – Гаскон. Вот только восемь лет назад он жил с родителями неподалеку от Шерпа.

– Уля дома?

– Дома, где ж ей быть, – хмыкнул мальчик. Растрепал пестрей кудрявые волосы, скинул защелку с двери и впустил нас внутрь. – Только вы это, особо не докучайте... Болеет бабка. А вы-то кто?

– Алена, – представилась я. – А это моя дочь Вероника.

– Не помню таких, – Гаскон глянул на меня подозрительно. – Приезжие что ль?

– Вроде того.

Я вошла дом, осторожно ступая по прогнившему полу.

Доски скрипели, повсюду пыль, в воздухе стоял затхлый запах, несмотря на то что все окна были открыты. Из небольшой прихожей узкий дверной проем вел в одну из двух комнат, а во второй, из которой был отдельный выход на улицу, нашлась Уля. Она сидела в кресле у распахнутого настежь окна.

В первую минуту мне показалось, что старушка бодра и полна жизни, пока она не повернулась ко мне. Абсолютно белые глаза, какие бывают у давно слепых людей, морщинистое лицо, похожее на мелкую рыбацкую сеть, седые волосы давно спутавшиеся и слипшиеся от грязи. Сухонькая Уля всегда была низкого роста, сейчас же она казалась совсем крошечной, едва ли выше моей дочери. В старенькое теплое платье она куталась, словно мерзла в жаркий летний день, костлявыми пальцами трепала уголок шерстяной шали, накинутой на плечи.

– Уля, здравствуйте, – тихонько обратилась я к ней, присаживаясь перед старушкой на корточки. Уля меня не видела, но я надеялась, что вспомнит.

– Да вы не обращайтесь внимания, – Гаскон прыгнул на узкую кровать, та заскрипела так громко, что звон отдался в ушах набатом. – Бабка уже год не видит, и столько же как из ума выжила. Она почти не говорит, а если говорит, то несет какой-то бред.

– Она все еще одна живет? – ужаснулась я, оборачиваясь к мальчишке.

– Я тут живу, мои мамка и папка померли пять лет назад. Ну я к бабке и переехал, а потом и она заболела, сейчас вот помогаю ей, как могу.

Я снова глянула на Улю. Помнила ее всегда жизнерадостной, полной сил и энергии, даже в ее восемьдесят три она не уходила из огорода до заката солнца. Как начинала с утра что-то сажать, пропалывать, выкапывать, так и занималась этим днями на пролет. Там же, в огороде, старушка держала горного козла по имени Кукуй, он был ей и собеседником, и другом.

– А Кукуй где?

– Так Михей забрал. Мне продать его пришлось, зачем он теперь бабке-то? Пользы от него никакой, только блеет без конца да жрет.

– Как она заболела? – нахмурилась я, а в голове мелькнула одна мысль...

Нет, я конечно, понимала, что старость никого не щадит, но Уле можно было помочь, если не вернуть зрение, то хотя бы разговорить. Только если правильно все сделать, а я точно знала, как правильно. На лечение понадобится немало времени, но я надеялась, что оно у меня есть. Разве что помощи от Ули теперь ждать не приходится... Она бы этого Шерпа в каральку свернула, когда узнала, что он меня прогнать хочет!

– Не знаю толком, – вздохнул парнишка. – После смерти деда утром встала, поняла, что не видит. Плакала, пыталась

что-то делать на огороде, постоянно спотыкалась, падала. Я заставил ее сидеть дома и никуда не выходить, не могу ж все время следить за ней, так она где-то через месяцок перестала говорить. Но вот вчера она заговорила, просила что-то найти для нее, так я и не понял, что хотела. То ли в лесу что-то нужно было, то ли еще что...

– На что вы живете? Тебе же лет... тринадцать?

– Четырнадцать будет уже скоро. Да на что? Кто чем поможет, тем и живем, да рыбу ловлю. Фийон дрова привозит, Шерп молоко дает. Но вот вчера письмо прислали старосте из города, он его чуть не выкинул! А потом пришел ко мне и говорит, что одному хорошему мужику, – так было написано в письме, – нужно жилье. Мол, устал он от жизни городской, хочет к нам, в Отшельники. А у меня-то что? Комната вот свободная. Бабку переселю вон в ту, а в этой и дверь отдельная есть. Так что мужик тот, если денег не имеет, будет жить в обмен на помощь по хозяйству.

Гаскон говорил складно и будто бы без тени горечи, но мне все равно в его голосе слышалась мольба. Парнишка устал, в его возрасте невозможно быть самостоятельным, да еще и все время следить за больной бабушкой. Ему с пацанами бегать бы, навык какой получить, да хотя бы у того же Фийона научиться дрова заготавливать!

– Так что приедет скоро, сдам ему комнату, мне все легче будет, – заключил Гаскон и сам себе утвердительно кивнул.

Я поднялась на ноги, еще раз взглянула на старушку, и сердце сжалось от боли. Уля, как мне показалось, все слышала, только сказать ничего не могла, но я видела, как увлажнились ее глаза.

– Я попробую помочь, – сказала я. – Не обещаю, но постараюсь. Уле нужно будет принимать отвар каждый день утром и вечером, и я, как смогу, буду приходить следить за ее состоянием.

– И что будет? – Гаскон недоверчиво нахмурился.

– Говорить сможет, надеюсь. Зрение уже не вернуть, его забрала старость, а вот разум прояснить получится.

– Она ж опять в огород соберется!

Я развела руками, улыбнувшись. В том, что Уля, едва придя в себя, немедленно побегит приводить в порядок двор, сомнений быть не могло. Главное, чтобы вместе с речью, к ней вернулась и способность ходить. Вряд ли у старушки отнялись ноги, скорее всего она “сlegла” от горя.

– Мужик этот твой пусть за ней следит, – намекнула я. – Он чем заниматься-то здесь будет?

– Не знаю, – пожал плечами парнишка. – К нам еще никогда не приезжали вот так, с рекомендательным письмом... Странно все это. Его ж и не знает никто, мы уже всю деревню опросили с Шерпом. Отшельники-то на этом месте живут всего лет тридцать, само собой, что население будет расти не только традиционно, а и из города часто приезжают насовсем. Ну, Шерп так сказал. Еще говорит, что всех приезжих

надо приучать к труду и любви к большим семьям, а не как они привыкли там, в своем городе.

Я умолчала, что и в городе без труда не выживешь, но у местного старосты, видимо, свои познания. В конце концов, он сам из города, и именно он основал деревню, но, чем занимался до переселения, я не знала.

ГЛАВА 7

Обещание, данное Веронике, я все же выполнила. По пути мы зашли к Кларе, познакомили детей, и они остались играть во дворе. Клара сказала, что одним ребенком больше, одним меньше, ей все равно, и моя дочка никак не помешает. Я же волновалась, что девочка повторит мою судьбу, и эти дети на самом деле не хотели срочно развлекать ее, как они сказали, так что я приняла решение ждать за воротами и иногда подглядывать.

Клара была занята стиркой прямо во дворе, время от времени покрикивая на путающихся под ногами малышей или бегая в дом к самой маленькой – Ашеньке, чтобы проверить ее состояние. По словам Клары, Аша в последние дни чувствовала себя неважно, из-за того что плохо спала.

Отвар у меня женщина не попросила, хотя я видела, что очень хочет, но, видимо, платить ей было не по душе. Я же не стремилась предлагать бесплатно, но точно знала – завтра приготовлю и принесу за просто так. Крошка не виновата, что мать ее немного жадная, а мне совесть не позволила бы оставить маленькую без должного лечения.

– А ну, быстро на улицу! – взвизгнула Клара, когда один из малышей, лет трех, с криком бросился матери под ноги, убегая от своего старшего брата. Лохань покачнулась, едва не окатив Клару мыльной водой, и у женщины сдали нервы.

Я поспешила уйти, попрощавшись. Нежно взглянула на дочку, которая стояла на бревне и с небольшой высоты с выражением и гордостью на лице рассказывала сказку собравшимся детишкам. Здесь же был и сын Клары, которому днем не повезло огрести от матери подзатыльник. Этот мальчишка сейчас с особым восторгом смотрел на Веронику, а моя дочь, в свою очередь, кокетливо хлопала глазками в его сторону. И где только научилась?

Фыркнув, я вышла за ворота. И вовремя – потому что, останься я у Клары, особенности деревенской жизни конкретно этой деревни прошли бы мимо меня.

По неширокой улице в мою сторону с громким топотом неслись трое. Незнакомая мне пухлая девушка с растрепанными черными волосами, босиком и в одном только платье, которое она застегивала на груди на ходу. Следом за ней бежала Дария, к счастью, полностью одетая, к несчастью – в руках она сжимала толстую и длинную ветку ольхи.

– Стой, гадина! – визг Дарии заставил меня отскочить ближе к забору.

Подруга меня даже не заметила, промчалась мимо с явным намерением во что бы то ни стало догнать ту самую гадину.

– Дария! Стой! Да подожди ты! – противно визжал Зафар.

Парень бегать быстро не умел или не мог, из-за того что на нем был всего один высокий сапог, который не позволял ему разогнаться. Или же ему мешала одежда – точнее, ее по-

что полное отсутствие. Зафар, когда погнался за этими двумя явно поругавшимися девушками, успел натянуть на себя только рубаху. Я смущенно отвернулась, когда он пронесся мимо меня, сверкая репродуктивным органом.

Соседи повыглядывали из-за заборов. Казалось, посмотреть на происходящее вышли почти все – отовсюду слышались шепотки, пересуды. И только тот странный мужик в трусах и шляпе, который недавно привлек мое внимание своим видом, без какого-либо интереса к происходящему вышел со двора своего дома, держа в одной руке объемную корзину, а второй удерживая на поводке горного козла.

Кукуя я не могла не узнать – только у этой животины было непередаваемое выражение морды. Козел имел характер сложный, задиристый, а его взгляд всегда был таким, будто он и есть главный в этой деревне, если не во всем мире. Но Михею, новому хозяину строптивого животного, на удивление удалось его приручить.

Михей плавно развернулся в ту сторону, откуда в этой части деревни появились трое скандалистов, и вразвалочку двинулся вдоль дороги, а Кукуй последовал за ним вприпрыжку.

Брюнетка, Дария и Зафар уже скрылись из виду. Они обогнули мой дом, и теперь крики слышались со стороны леса.

– Убью, заразу! Тварь болотная! – в голосе Дарии сквозила ярость.

Я бы на месте той брюнетки уже сдалась и молила о про-

щении.

– Даречка! Дария! – Зафар заикался, дар речи он едва ли не потерял из-за переживаний – мог кричать только имя моей подруги, и то не очень связно.

Я растерянно осмотрелась. Соседи, хихикая и качая головами, расходились. Михей с Кукуем уже скрылись за поворотом, а дети Клары и моя дочка повисли на заборе. Я не сразу их заметила, только когда услышала Веронику:

– Мамочка, а почему дядя голый?

Я судорожно вздохнула. Встречу вечером Зафара – нечего ему будет демонстрировать людям.

За спиной кто-то заржал:

– Опять одеться не успел.

Обернувшись, я увидела рыжеволосых парня и девушку примерно одного возраста – лет семнадцати, очень похожих друг на друга.

– Еся и Лелька? – уточнила я с улыбкой. Этих двоих я хорошо знала в детстве, но теперь они, конечно же, сильно изменились.

– Еся, – парнишка подмигнул мне.

– Я Леля, – девушка отвесила шутливый поклон. – Мама нам уже сказала про вас, не волнуйтесь, завтра придем.

– Да че завтра-то? – закатил глаза Еся. – Мы уже все сделали, мамка только не проверила. Пойдем шас-то?

– Ну, сам смотри, – пожала плечами Леля. – Когда мамка потом погонит тебя дубиной, как Дария ту девку, штаны на-

деть не забудь.

– А вы знаете, кто... та девка? – меня разбирало любопытство. Я могла бы все узнать у Дарии, но, судя по всему, ей сейчас не до меня.

– Да кто ж ее не знает? – снова заржали дети. – Это Катарина, местная шлю...

– Еся! – Леля втянула воздух сквозь зубы. – Перед тобой взрослая женщина!

– Да не такая уж я и взрослая, – смутилась я, мгновенно почувствовав себя старой. Почему-то захотелось стать чуть ближе по духу к близнецам, если не по возрасту. – Я поняла, что имел в виду Еся. Дария и Катарина что-то не поделили?

Из моей головы напрочь вылетел образ голозадного Зафара. Ну не могла я представить даже в самых страшных фантазиях, что Дария и Зафар вместе! Моя подруга всегда имела довольно специфический вкус на мужчин, но не до такой же степени.

– Кого-то, – сказал Еся и разбил мои надежды. – Зафар с ней постоянно трется, да и не только с ней, ну а Дария стабильно раз в недельку гоняет его подружек в лес. Сейчас вот загонит подальше, если не поймает, да вернется. Зафар отыщет Катарину, потом помчится домой, просить у жены прощения.

– И как давно она гоняет девушек по лесам? – В голове не укладывались поступки Дарии. Если поведение Зафара я еще могла хоть как-то понять, ну бывают такие... любве-

обильные, то почему Дария после первого же инцидента от него не ушла, я понять не могла.

– Да всегда, – фыркнула Леля. – Они как поженились семь лет назад, так мы постоянно наблюдаем что-то подобное. Нет, иногда, конечно, Зафар успевает одеться, особенно зимой, но чаще всего то, что вы видели – наше еженедельное развлечение. Все уже привыкли, иногда даже ставки делают... О, о чем я и говорила – вон, посмотрите.

Я проследила за взглядом Лельки, и мои брови поползли вверх. Соседи Клары, пожилая пара, перегнувшись через общий забор, жарко спорили со своим соседом, невысоким, еще молодым мужчиной, о том, кто же выйдет из леса первым.

– Серьезно, ставки? – шокированно прошептала я, машинально обернувшись в сторону леса.

Из-за моего дома показалась Дария. Зареванная, без ветки в руках, она быстро шагала, не глядя себе под ноги. Старики разочарованно загудели, а сосед крикнул им:

– Банка огурцов с вас, лопухи!

Я не могла отпустить Дарию в таком состоянии, метнулась к ней и схватила за руки.

– Эй? – сказать мне было нечего, но внимание на себя я обратила.

– Нет, ну ты видела? – возмущенно зашипела подруга, рукавом вытирая мокрый нос. – Срамота! Платье длиной до колена, совсем уже охрен...

– Дария, – перебила я ее, скосив глаза на подслушивающих детей, – ты... А что?.. Эм... – я замолчала, протяжно вздыхая. Не могла подобрать никаких слов, ни чтобы выразить свое сочувствие, ни чтобы объяснить, как сильно я сама охрен...

– О, идет! – Еся выскочил за забор, Лелька за ним. Близнецы с азартом наблюдали за Зафаром, который где-то потерял единственный сапог и теперь босиком бежал в нашу сторону. Ну хоть рубашку снял и обмотал вокруг бедер, за что ему отдельное спасибо.

– Дария, да послушай же ты меня! – кричал он, и столько отчаяния было в его голосе, что мне и самой захотелось выслушать парня.

– Не о чем нам с тобой говорить, домой иди! – рявкнула Дария достаточно злым голосом, и стоило мне поверить в то, что возможно эти “гонки” были в последний раз, девушка добавила: – Скоро приду!

Подруга внимательно проследила за удаляющимся в сторону дома Зафаром, мы с Есей и Лелькой переглянулись: я – шокировано, а близнецы – со смехом в глазах.

– Дария... – снова начала я, пока подруга приводила в порядок растрепавшуюся косу. – Мне сказали, что у вас часто бывают ссоры. Это так?

– Ой, да у кого их не бывает? – хлюпнув носом, девушка усмехнулась. – Такова женская доля. Терпеть, воспитывать. Зафар еще не привык к семейным обязательствам, но ниче-

го, повзрослеет и исправится, вот увидишь. Нет, ты не подумай, я специально за ним не слежу! Но я каждый день хожу к отцу, чтобы он провел время со своим внуком, иногда задерживаюсь... Нет, нет, Зафар не приводил домой никого! Сегодня я вернулась домой, а его нет. Альмик, сосед, сказал, что видел, как Зафар идет по огороду Катарины. Ну я и зашла к ней... а там...

Дария вновь залилась слезами. Я, пребывая в оглушенном состоянии, ободряюще гладила ее по плечу. Даже моргать не могла какое-то время, слушала, что говорит подруга, и пыталась представить себя на ее месте. Савар мне никогда не изменял. Он не любил меня, он не был рад нашей совместной жизни, он часто говорил, что жалеет о той ночи, когда мы впервые встретились, но ни разу за все восемь лет не давал мне даже повода подозревать его в измене.

Поразительная глупость Дарии меня сильно взволновала, мне хотелось достучаться до нее, объяснить, что гонять любовниц мужа по лесам не обязательно, вместо этого можно просто уйти... Но я знала – в Отшельниках не принято разрушать семьи, какими бы они ни были. Да нигде в этом мире не принято, если уж на то пошло... Поэтому я приняла для себя единственное верное, пусть и совершенно безумное, плохое решение – немного изменить состав зелья, предназначенного Зафару.

Со злорадной улыбкой я чмокнула подругу в щеку на прощание, помахала ей вслед рукой и обернулась к близнецам.

– Поможете мне в доме с уборкой?

– Конечно! – воскликнул Еся.

– Мы ведь договаривались, – подтвердила Лелька.

– Но у меня будет просьба – пожалуйста, последите за Вероникой, а потом приведите ее домой. Мне нужно в лес и очень срочно!

Я и Веронике сказала, что ее няньками на этот день будут Еся и Лелька. Дочка насупилась, но когда я объяснила ей, что мне нужно кое-что собрать в лесу, благодушно махнула рукой. Мать целительница, что с нее взять?

Лес встретил меня привычными ласкающими слух звуками. Пение птиц, завораживающий шелест листвы. Сводил с ума и воздух, наполненный ароматами цветов, каждый из которых я могла бы различить и сказать, какой цветок как пахнет.

Прислонилась щекой к дереву, прислушалась – не оно. Я точно не помнила, листья какого растения или дерева мне нужны, а заскочить домой и глянуть в дневнике не было времени, поэтому пришлось вспоминать то, чему меня учила Герда – говорить с природой.

Спустя некоторое время ведьмовское чутье привело меня к вишне. Я приложила ладони к стволу, кончики пальцев закололо, и сомнений больше не было – в зелье пойдут листья вишни. Но не только они! Еще примерно с полчаса я потратила на дорогу к горам, там отыскала горный цветок либиристикус, выкорчевала тоненький корешок и сунула в карман

платья к вишневым листьям.

Я уже собиралась уходить, как среди кустарников мелькнуло голое пузо.

– Михей? – позвала я, будучи совсем не уверенной в том, что встретила именно его.

Михей выглянул из-за куста, мазнул по мне взглядом, вспоминая. За восемь лет я не сильно изменилась, разве что лицо чуть осунулось, да взгляд потух.

– Аленка, что ли?

– Да! – радостно закивала я. – А где Кукуй?

– Так вон он, – мужик неопределенно махнул рукой.

Чуть поодаль, на поляне, заросшей белоснежными мелкими цветами, радовался жизни горный козел. Жмурясь от солнечного света, животинка медленно и с наслаждением пережевывала пучок травы.

– А ты чего здесь? – Михей с любопытством осмотрел меня с головы до ног. – Насовсем вернулась, аль в гости?

– Насовсем, Михей, насовсем.

Я затаила дыхание в ожидании реакции.

– Зря ты это, – цокнул языком мужик, и мое сердце рухнуло в пятки. – Шерп с твоих плеч голову снимет, но ни за что не допустит, чтобы ты здесь жила.

– Он говорил мне то же самое про вас. Приходил недавно, сообщил, что вся деревня будет только рада выставить меня вон.

– Да кому ты нужна? – загоготал Михей. – Некоторые из

нас время от времени в Бирцан бегают: то в магазин, то в лавку лекарскую. Ну, те, у кого деньги водятся. Там, правда, дерут последние копейки, поэтому мы не часто туда наведываемся.

– Хочешь сказать, что всем плевать на мое возвращение? И никто ко мне не придет с вилами, чтобы выгнать из Отшельников?

– Не придет, – покачал головой Михей. – Ну, только если Шерп не прикажет. Сама понимаешь – староста! Ослушайся его, и тут такой бедлам начнется. Нет, его и так большинство всерьез не воспринимает, но хоть кто-то во главе деревни должен стоять, а у Шерпа еще и коровы. Никто из нас не в состоянии купить целую корову или хотя бы теленка, а у него их семь! Две, кстати, вот-вот телят на свет произведут. В общем, у кого пропитание, у того и власть.

– Вы же все тут против власти? – хмыкнула я.

– Против короля, а не власти, – сосед нахмурился. – Тебе ли не знать, как его величество относится к беднякам.

– Вообще-то, нет... – пробормотала я, но осеклась.

Для всех в этой деревне моя история звучала так – родилась в Бирцане, нищие родители подкинули меня в приют, где я прожила до десяти лет, а после благополучно смоталась в ближайшую деревню. Там меня нашла сердобольная старушка, выходила, выкормила и оставила жить у себя. На самом деле Герда, разумеется, знала всю правду.

Мне было всего десять, когда в том автобусе вдруг вспых-

нуло пламя, а в следующую секунду передо мной и моими подругами возник мужчина в черном плаще и представился Создателем. Десятилетние дети не могли ничего толком понять и осознать, как очутились в Ассоне – мире, который выбрали сами. Создатель тогда сказал, что мы попали в аварию и умрем, но так как очень молоды, то он дает нам еще один шанс, и мы должны выбрать мир, в котором хотели бы продолжить жизнь. Я, Нюрка и Агата единодушно ткнули в первый попавшийся в списке мир, которым оказался Ассон. Где живут мои подруги теперь, не знала, но лично я попала в Отшельники.

Я была до смерти напугана, и Герда лечила меня от испуга долгое время. Отливала воском, пичкала отварами, объясняла, как жить в этом мире. Говорила о Создателе, о других мирах. Но меня тогда волновало только одно – я больше никогда не увижу маму и папу. Шестнадцать лет спустя боль притупилась, образы улыбчивых и счастливых родителей стерлись из памяти, я больше не тосковала по родному дому... Но страх остался, от него никуда не деться.

Михей сосредоточенно перебирал грибы в своей плетеной корзине. На меня он не смотрел, но когда молчание стало неловким, сказал:

– Все мы жертвы королевской власти. Те, кто пошел за Шерпом к горам. Я, например, оступися и ограбил булочную, потому что нечего было есть из-за нового закона о разрешении на торговлю. Мне пришлось закрыть мастерскую

из-за него, а деньги утекали, как вода. Шерп также не смог заплатить сотню золотых за разрешение, и ферму пришлось продать. Он тогда взял всех своих коров, с которыми не смог расстаться, и ушел сюда, где и основал деревню. Я отправился за ним, потом и моя сестра, а со временем о нас узнавали другие люди, и вот, новая деревня теперь есть даже на картах. Шерп гордится тем, что именно он дал шанс на лучшую жизнь многим беднякам, и ни за что не позволит кому-либо предать его.

– Я его не предавала! – в сердцах воскликнула, не зная, как еще доказать хоть кому-то, что в моем отъезде виновата только Герда!

– Этого ты ему не докажешь. В общем, ты должна знать – твое возвращение никого не волнует, кроме Шерпа. Нам нет дела до того, почему ты вдруг уехала, а потом вернулась, у нас своих проблем хватает. Но почему ты вернулась?

– Муж меня выгнал, – не стала лгать я. Михей мне всегда нравился, правда, за последние годы я его совсем забыла, да и он постарел, но, когда мы заговорили, сердце вновь затопила нежность. Михей был тем, кто веселил меня все детство, пока пытался пробиться к сердцу моей бессердечной бабушки.

– Бывает, – пожал плечами мужик и поправил широкополую шляпу. – Но мой тебе совет – как можно скорее убеди деревенских, что без тебя им не выжить. Все ведь понимают, что ты преемница Герды. Если Шерп созовет совет и предь-

явит против тебя обвинение в предательстве, то большинство, если не все, будут на стороне старосты. Сама понимаешь – коровы...

– К черту его коров, – выплюнула я.

– Тебе есть чем крыть?

– Нечем, – с сожалением ответила я, поморщившись. – У меня есть пять медяков, это все мои накопления. И то, даже не мои, а дочери.

– Тогда делай, как я сказал. Ну, или поговори с Шерпом, хотя это бесполезно. После того, как ты уехала, он не один год бесился. Каждому, кто хоть шаг сделал в сторону лесной дороги, говорил, что если задержится в Бирцане дольше, чем на день, может там и остаться.

Я промолчала, активно думая над тем, как бы расположить к себе деревенских. Но мое внимание привлекло содержимое корзины Михея.

– Зачем тебе эти грибы?

– Как зачем? – искренне удивился мужик. – Есть, конечно.

– Они ядовиты, – осторожно заметила я.

– Да брось, – отмахнулся сосед. – Я в грибах разбираюсь получше многих.

ГЛАВА 8

Доказать ему обратное было невозможно. Я это точно знала, поэтому со вздохом попрощалась и вернулась в лес, чтобы собрать растения для зелья, нейтрализующего отравление. Уверена, уже завтра Михей придет ко мне за ним. Хотя, он же наверняка не в первый раз собирает эти грибы? Маленькие, круглые, белые, они очень были похожи на дождевые, с одним лишь отличием – у дождевых грибов ножка короткая и серая, а у ядовитых отсутствовала вовсе. Хотя и те, и те появлялись через неделю после сильного дождя, чем и путали незнающих грибняков.

В конце концов домой я вернулась с полными карманами всяческих трав, корней и листьев, часть из которых пришлось нести в руках. Дом я не запирала, в этом не было смысла – защита на нем стоит такая, что ни одному живому существу не пройти. Ну, кроме тех, кто не желает зла его обитателям. Вернувшись, я обнаружила в гостиной Есю, Лельку и Веронику.

Дочка весело прыгала на диване, самозабвенно рассказывая новым знакомым сказку про колобка, которую когда-то рассказывала ей я. Мне даже ругать ее не хотелось. Пусть прыгает, жалко что ли? Такой счастливой свою дочь уже давно не видела, и плевать мне на диван – главное, чтобы ребенок не упал и не ушибся.

Близнецы сметали пыль в одну кучу пушистыми вениками, та клубилась в воздухе, забивалась в нос и рот, и мне пришлось прикрыть лицо пучком трав. Ребятишки не знали, что прежде чем сметать пыль, полы нужно сбрызнуть водой, а для этого сначала стоило сходить к реке.

– А как нам к вам обращаться? – заметив меня, вдруг спросил Еся. – Госпожа? Леди?..

– Я точно не леди, – хихикнула и закашлялась, хватанув ртом пыль. – Зовите просто Алена. И лучше бы вам сходить за водой – пыль уляжется еще не скоро.

– Ой, а можно и мне? – сразу же заканючила Вероника. – Ну, пожалуйста, ма!

– Только если будешь слушаться Лелю, – погрозила я ей пальцем, и дочка обрадованно закивала.

Дети умчали к реке, захватив по два небольших ведра. Воды нужно много, и не только сегодня, поэтому остро вставал вопрос о скважине на территории дома, вот только вырыть колодец стоило недешево. У меня таких денег нет и никогда не будет, мне могут платить за услуги в Отшельниках только едой.

Пока мне никто не мешал, быстро поднялась на чердак, там разложила собранное в лесу богатство на сухую простынь, взяла то, что пригодится сегодня, и спустилась вниз. Близнецы принесли с собой целую кучу поленьев и высыпали у камина, так что мне не пришлось идти за дровами на улицу.

Первым делом “испортила” отвар для Зафара. Совесть меня, конечно, мучила, все-таки мне не следовало лезть в чужую семью и нарушать их привычный уклад жизни, но и обида за подругу была сильной. К уже готовому отвару я долила порцию нового, тщательно взболтала и вернула на полку. Пару раз порывалась вылить его и вовсе отказать Зафару в помощи, но не могла – Дария должна быть отомщена, а у нас на завтрак должна быть яичница.

Следом на огонь поставила воду для другого зелья – от отравления ядовитыми грибами. Надеюсь, что оно не пригодится, но надежда была такой слабой, что, подумав, я приготовила десять порций.

Последним сделала отвар для Ашеньки. Ничего необычного, даже к силам природы прибегать не пришлось, просто смешала корень ромашки с лавандовыми соцветиями, туда же капнула сок питового дерева, и когда отвар остыл, перелила его в маленький пузырек. Аше следует давать его по две капли перед сном, и такой порции хватит на месяц.

Не забыла я и про Улю. В итоге, спустя несколько часов, на полке стояла целая батарея полных пузырьков. У Герды когда-то все стеллажи были заняты отварами, зельями, вытяжками, но, куда все это делось после ее смерти, я не знала. Может быть, в последние дни она их раздала или уничтожила, с нее станется.

Замотавшись, я и не заметила, что дети ушли на реку уже довольно давно. Солнце клонилось к закату, когда они вер-

нулись. Мокрые, замерзшие, но с полными ведрами воды.

Глазки Вероники сияли от восторга, и только ее счастливое лицо помогло мне совладать с желанием не отругать близнецов немедленно. Вместо скандала я глубоко вздохнула и ласково спросила:

– Где вас демоны носили?

В одном из ведер что-то задергалось, вода брызнула во все стороны, и дети быстро поставили емкости на пол.

– Мы ловили рыбу, мам! – воскликнула дочка, отжимая косичку.

– Не простую рыбу, – осторожно заметил Еся.

– Посмотрите, – Лелька поспешно подвинула в мою сторону то ведро, в котором все еще что-то активно дрыгалось. Рыба была полностью черной – тельце, плавники и даже глаза, очень крупной, с широким хвостом. – Такой вид водится только у северных архипелагов, я это точно знаю, потому что до переезда в Отшельники наш папа занимался изучением водоемов и жизни в них, и он рассказывал нам...

– Да давай короче! – Еся подпрыгивал от нетерпения.

– Короче, – Лелька пробуравила брата недовольным взглядом. – Рыбка стоит ого-го сколько!

– И ее кто-то может купить? – с надеждой спросила я. Мечта о собственном колодце вдруг стала почти реальной.

– Не-а, – покачала головой Лелька. – Разве что к королевскому столу купил бы кто-то из кухарок его величества, но ехать в Мельсон ради одной рыбы никто не захочет. Зато она

очень вкусная!

– Совсем никто не поедет? – уныло переспросила я.

– Нет. Это уже не первая альма, которую мы поймали. В прошлый раз рыбешку повезли в Мельсон, все-таки пятьдесят золотых на дороге не валяются, а она сдохла по пути. Особенность этой рыбы такова, что жить она может только в больших водоемах. Перевезти ее в ведре не получится, уже к завтрашнему дню альма впадет в уныние, а послезавтра подохнет от тоски.

– А до Мельсона неделя пути, – вздохнула я. – Ладно, давайте тогда ее зажарим, пока она не померла.

– А давайте приготовим ее для новенького? – предложил Еся.

Мы с Лелькой недоуменно уставились на него.

– Ну, для того мужика, который в Отшельниках жить собрался. Шерп сказал, что он уже ночью приедет.

– Я смотрю, новеньких здесь жалуют и чествуют? – усмехнулась я, не обращая внимание на вдруг вспыхнувшую в душе обиду.

– Конечно! Шерп им готов в ножки кланяться, лишь бы остались и продолжали заниматься развитием деревни.

– Ой, да ненадолго он здесь! – поморщилась Лелька. – ты вспомни, как в Отшельники пришло семейство Громс? А Ерусики? Все, как один, сюда приходят с вещами, грязные, голодные, сразу встречаются с Шерпом, и уже он помогает им с жильем. А этот что? Ну кто вообще посылает гонца с

письмом? У кого есть деньги на гонца – тот не останется в Отшельниках насовсем.

– Потом будет видно, чего сейчас-то гадать?

– Так, – хлопнула я в ладоши. – Продолжаем уборку! Вероника, тряпка вон там, намочи ее и протри полки, только не трогай ту, на которой стоят бутылочки. Еся, разбери хлам в кладовой. Лель, мы с тобой помоем полы.

Все активно похватали тряпки, ведра с водой, – несчастную рыбу семейства альмовых поставили прямо в ведре на подоконник, – и принялись наводить порядок. Я все еще жалела о том, что не удастся никому продать сокровище, пойманное детьми в реке, но уже после заката, когда валилась с ног от усталости, и думать про нее забыла.

Дом сиял чистотой! В восемь рук мы отмыли каждую досочку на полу, каждую полку, смели паутину с потолка, выхлопали ковры, разобрали кладовую и чердак. Сняли с кроватей постельное белье, с окон занавески. Еся и Лелька снова сбегали на реку, на этот раз очень быстро, и я затеяла стирку.

Близнецы в какой-то момент пожалели, что вообще согласились на помощь, но когда мы, уставшие, но довольные, сели пить чай собственноручно собранный мной, дети улыбались. Вероника, которая работала не меньше остальных, заснула с куском рыбы в зубах, прямо за столом. Я унесла дочку в спальню, накрыла одеялом и тихонько вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Еся и Лелька собирались уходить, когда в окно вдруг раз-

дался громкий стук.

Я точно прибыю этого Зафара!

– Да тише ты! – шепотом крикнула ему, зло дернув створку. – У меня ребенок спит!

– Прости, – парень смущенно улыбнулся, еще сильнее обнажая без того торчащие передние зубы.

Борясь с желанием кинуть в него альму, которая все еще плескалась в ведре на подоконнике, быстро сбегала к стеллажу. Зелье в руках грело мою душу. Я едва сдерживала коварную улыбку, когда передавала пузырек Зафару через окно.

– Точно поможет? – спросил парень, проверяя бутылочку в свете фонаря.

– Не сомневайся, – оскалилась я.

– На, – Зафар протянул мне маленькую плетеную корзинку полную яиц. – Корзинку потом приду заберу!

– Придешь... Точно придешь, – усмехнулась я, когда парень уже резво помчался проверять действие зелья.

Окно я закрыла, а, обернувшись к близнецам, наткнулась на их подозрительные взгляды.

– Не подумайте ничего плохого... – начал Еся. – Но у вас был такой вид, когда вы говорили с Зафаром, что даже у Лельки спина вспотела от страха. Вы что ему такое дали?

– Маленькие еще, не скажу.

– Ой, да что маленькие-то? Мы днем его голозадным видели, и не только сегодня.

– Он просил у меня отвар для мужской силы, – я закатила глаза. – Ну... чтобы подольше можно было... Ой, все! Сами додумаете.

– А вы правда преемница Герды? – вытаращила глаза Лелька. – О вас вся деревня говорила. Мы уже думали, что целительницу потеряли, и все, некому нас лечить будет, а скоро зима.

– Если Шерп меня не выгонит, то я буду вас лечить.

– Да поди не выгонит, не дурак же.

– Плохо ты его знаешь, – буркнул Еся, исподлобья взглянув на сестру. – Ладно, пойдем мы, поздно уже.

Я дала детям с собой отвар для Аши, несколько раз повторила, как именно его нужно принимать, пожелала добрых снов и села в кресло у камина. Темнело в этой части королевства рано, так что уже к девяти часам на улице была тьма-тьмушая, но это еще не значило, что пора спать. Гаскон точно еще не дрыхнет, да и Уля наверняка бодрствует.

Подхватив пузырьки с отваром для старушки, я выскочила на улицу. Вероника после такого насыщенного дня проспит до утра, хотя она и раньше-то среди ночи не просыпалась, значит, не потеряет меня. Альму мы с детьми решили пожарить завтра, и сразу отнести новенькому. А сейчас я старалась успеть сбегать к Уле еще до того, как к ним придет еще один житель.

ГЛАВА 9

Гаскон не спал, как я и думала. Мальчишка развел во дворе костер и теперь жарил маленькие кусочки мяса на палочках.

– Присоединяйся, – махнул он мне рукой, приглашая сесть на бревно.

– Я отвар для Ули принесла, – протянула парню два пузатых бутылка. – По ложке на стакан воды утром и вечером...

– Долго ее так поить? Когда бабушка заговорит снова?

– Будем надеяться, что скоро. Новенький еще не приехал?

– Жду с минуты на минуту. Он снова прислал письмо, в котором говорилось время прибытия, – Гаскон замолчал, что-то обдумывая, потом недоуменно воскликнул: – Кто вообще посылает письма с гонцом? Этот мужик явно при деньгах... Надо бы ему другую подушку выдать, а то я положил ему на кровать самую замызганную.

– Все еще надеешься брать деньги за аренду?

– Надеюсь, – не стал скрывать парень. – У нас еще не было такого, чтоб кто-то приезжал из города не голодранцем, но вдруг с этим Робертом все иначе. Может, у него были какие накопления?

Едва парень договорил, как из-за забора раздался очень приятный, бархатистый голос:

– Были.

Мы с Гасконом подпрыгнули одновременно. Калитка отворилась, впуская во двор высокого статного мужчину. Я окинула его идеально уложенные черные волосы ошалевшим взглядом, посмотрела на объемный чемодан в руках и поняла — накоплений у этого человека было ну очень много. Чемодан из кожи буйвола — роскошь не для бедных и даже не для богатых. Кожа буйвола была доступна разве что кому-то из королевской семьи... Ну, мне так говорил Савар, когда я зачем-то обмолвилась, что мечтаю о сапожках из этого материала. Тогда я выслушала столько гадостей от мужа, что навсегда разучилась мечтать.

Мужчина подошел к нам ближе, и света от моего фонаря, и от фонаря Гаскона хватило, чтобы разглядеть лицо незнакомца внимательнее. Я моментально расправила плечи, выпрямила спину и отругала себя за грязные волосы. Передо мной стояло совершенство, по какой-то нелепой случайности попавшее в богами забытую деревню. Тонкие черты лица, острый аристократический нос, чуть смуглая кожа без изъянов, а глаза... Я бы утонула в них, если бы вовремя не отвела взгляд.

У Зафара появился конкурент. Очень сильный, красивый конкурент, и если мое зелье сработает как надо, а новый отшельник воспользуется ситуацией, у Дарии больше не останется соперниц. Но что-то мне подсказывало, что Роберт и не взглянет ни на одну местную девушку. Он и на меня смотрел без какого-либо интереса, а я, хоть и не была краси-

цей, выглядела получше той же Катарины.

Роберт опустил чемодан на землю, выпрямился во весь рост и потянулся. Тонкая ткань рубашки натянулась на крепких мышцах, грозясь лопнуть.

– Я пойду... – пробормотала я, кивнув Гаскону. – Зайду завтра, проверю Улю.

И я позорно сбежала, даже не познакомившись с новеньким. Мне оказалось крайне неудобно стоять рядом с ним в старом застиранном платье и с засаленными волосами. За последние два дня было как-то не до гигиенических процедур, но сейчас я помчалась сразу домой, и то только затем, чтобы схватить в бане кусок мыла, полотенце, бабушкино платье из шкафа, и отправиться на реку.

Мыться среди ночи в холодном водоеме – то еще удовольствие, но я блаженно выдохнула, смыв с себя пыль. Чистые мокрые волосы замотала в полотенце, надела на себя самое симпатичное платье из бабулиного гардероба и вернулась домой. Не сказать, что ее платье было каким-то совсем уж дуррацким, но рюши с рукавов я все же сорвала.

Утро началось с дурдома. Я еще не знала, что в Отшельниках почти каждый день такой, и искренне перепугалась. Если бы хоть кто-то сказал, с чем мне здесь придется иметь дело, то выбрала бы другое место для жизни.

Сначала через открытое окно до меня донесся громовой голос Клары. Она кричала что-то о том, что нас всех сожрут,

потом кричала на детей, чтобы сию же минуту вернулись в дом. Потом раздались и визги детей, хлопанье створок, и на какое-то время все стихло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.